

Александр Анненский
ФАНЕРА НАД ПАРИЖЕМ
ЭПИЗОДЫ

Александр Анненский Фанера над Парижем. Эпизоды

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=609875
Фанера над Парижем. Эпизоды.: Германия; 2011
ISBN 978-3-941953-26-0*

Аннотация

Известный российский кинодраматург, бывший главный редактор одной из крупнейших российских телекомпаний «Останкино» в своей автобиографической книге искренне и иронично рассказывает об удивительном калейдоскопе встреч с людьми, фамилии которых на слуху у каждого, приоткрывая для читателя закулисы мира отечественного кино и телевидения, делится уникальными впечатлениями от разных стран мира, куда заносила его судьба.

Содержание

Середина 90-х, Испания, побережье Малграт де Мар	4
Шестидесятые годы, Москва	7
Конец шестидесятых, Украина	13
Семидесятые, Москва, район ВДНХ и другие	16
Семидесятые, Москва и область, ст. Болшево	27
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Александр Анненский

Фанера над Парижем. Эпизоды

Середина 90-х, Испания, побережье Малграт де Мар

Надо было сделать усилие и открыть глаза. Сказать, что Алексу не хотелось этого делать, значило бы не сказать ничего. Хотя сыроватый еще после ночи крупный песок пляжа и заставлял время от времени инстинктивно менять положение, чтобы не простудиться, глаза при этом все равно оставались закрытыми, давая возможность пребывать в волшебном промежутке между явью и сном, выбираться из которого не имело никакого смысла. Спокойный размеренный шелест волн позволял представлять себе все, что было угодно, никак не лимитируя фантазию, а только что появившийся за морем красный кружок пиццы-солнца начинал уже несильно греть кожу, отчего томящая полудрема ощущалась еще больше.

В эти утренние часы длинный пляж, которым оканчивалась череда разновысоких отелей, был еще пуст, если не считать нескольких грязноватых чаек, роящихся в спутанных пучках выброшенных морем водорослей, да двух работяг в желтых комбинезонах, лениво утюжащих на минитракторе прибрежную полосу, делая вид, что очищают ее от накопившегося за вчерашний день мелкого хлама. Чайки пытались обогнать негромко урчащий трактор, забегая прямо перед его ковшиком, чтобы успеть подхватить потревоженные водоросли первыми, и одному из рабочих пришлось в конце концов спуститься с подножки и идти рядом, отчаянно махая на птиц пустыми пакетами для мусора, для убедительности снабжая и без того выразительные жесты крепкими испанскими словечками. Любопытно было бы узнать, насколько они совпадают с русскими аналогами, произносимыми в таком случае, но это было нереально – никого, кто бы мог адекватно перевести Алексу испанский мат, поблизости, естественно, не было. Птицы же, будучи местными, наверняка понимали адресованные им пожелания, но предпочитали этого не афишировать.

Вставать с песочного лежбища, уютно продавленного его сотней килограммов через велюровое пляжное полотенце, надо было так или иначе – скоро в его отеле начиналась процедура завтрака. Что он возьмет сегодня с более менее приличного для трехзвездочного отеля шведского стола – конечно, все, что вредно, – масло, нет, даже два двадцатиграммовых брикетика, ветчину, слегка резиновую, но, в общем, съедобную, сыр, омлет или сосиски... сосиски или омлет... нет, пожалуй, просто яйцо, помидорину, рыбу – если будет, конечно, что вряд ли. Выбор тут был, разумеется, далек от, например, внезвездного Steigenberger в Дюссельдорфе, где он жил как-то, сопровождая хамоватого татарина-нефтяника с его семейством – женой и парой дочерей. Ага, точно, тот попросил еще устроить девчонкам посещение вечером какой – то модной полузакрытой дискотеки, а на следующий день те пожаловались папе, что их так и не пустили... Кто же был виноват, что блядовитость обеих так и светилась на размалеванных физиономиях. А Алекс-то, как идиот, ходил туда днем объяснять, что вечером сюда пожалуют дочери настоящего миллионера из России... Вспомнилось, как тот поц, видимо, неожиданно для себя самого в результате приватизации оказавшийся владельцем какой-то татарской скважины, при которой раньше просто служил наемным директором, величественно отпускал его, Алекса, мановением руки, как личного шофера – «на сегодня свободен...». Самодовольный говнюк. Мысли путались, и все время хотелось опять уснуть.

Чьи-то шаги по песку пустого пляжа, не сами шаги, а звук постукивающих о босые пятки сандалий, все же заставил Алекса, потянувшись, открыть глаза. Ветерок с моря, лаская

физиономию, уже предвещал очередной, не по-осеннему теплый день и надо было заканчивать валять дурака. Почему, впрочем, было надо – и кому? Ему – так нет, он, собственно, и оказался тут в не сезон для того, чтобы хоть временно избавиться от преследующего всю жизнь гнусного слова – надо... Что собственно надо ему – идти завтракать? А если не идти – что изменится? Через час захочется есть – ну и что, он пойдет на набережную и купит себе эти вкусные кусочки маринованного мяса на деревянных шпажках – пинчос и дешевое – по сравнению с Германией – виски в магазинчике рядом с его отелем. и все опять станет спокойно и хорошо. хорошо и спокойно... Недорогое виски имеет способность быстро нивелировать любые проблемы. Никто не знает, что он сейчас в Испании, главное – не знает жена, а его хэнди выключен... Пусть поищет... Только ведь она не станет, наверное... Боже мой, когда-то же это кончится, когда-то все это обязательно должно кончиться. Если бы еще точно определить для себя – хочет ли он на самом деле, чтобы все это так и случилось?.. Или это так, обычное словоблудие. Если бы это было возможно, жизнь была бы другой, была бы совсем другой...

Высокий высохший старик шел медленно, с остановками, и Алекс не сразу даже понял почему. Лишь приподнявшись на локте и приглядевшись, он сообразил, что у того поверх рваной майки и шортов с бахромой змеится провод, раздваивающийся под подбородком на два обшарпанных наушника, комично удерживающихся на спутанных, давно нечесаных волосах. Другой конец провода уходил в длинную металлическую палку с коробочкой и полым кольцом на конце, которой старик тяжело водил перед собою из стороны в сторону, задевая песок. На плече висела грязноватая холщевая сумка с изображением головы Христа. Из-под одного из треснувших наушников, кое-как замотанного изолентой, можно было слышать высокий ноющий звук, меняющийся в зависимости от положения кольца над песком. Было очевидно, что это допотопный металлоискатель, и его владелец внимательно вслушивается в возникающую полифонию тонов.

Старик поднял на Алекса глаза и постарался улыбнуться. На натянутой, задубевшей от морской соли и солнца смуглой коже проступила паутина глубоких морщин. Люди на юге становятся к старости матрицей прожитой жизни. Сейчас он поздоровается, последовательно переходя с одного языка на другой, ожидая реакции, присядет рядом и начнет говорить... А потом что-нибудь попросит... Для начала, возможно, протянет руку и назовет свое имя и придется руку эту пожать...

Когда-то, в другие времена, они с женой были в турпоездке в ГДР, и пожилая немка-гид по ошибке вместо очередного замка завезла их в другой, похожий, в котором, как выяснилось, теперь располагалась психушка. Когда не сразу сообразив, куда, собственно, они попали, и кто эти люди, чинно гуляющие в пижамах по аллеям неухоженного парка, «гидша», спохватившись, судорожно начала созывать разбежавшуюся по парку тургруппу в автобус, было уже поздно. Группа пациентов с разной степенью дебилизма в глазах собралась у дверей автобуса с иностранцами и преданно потянулась к редким гостям прощаться. Чтобы войти в автобус, нужно было пройти через строй вежливо улыбающихся людей в пижамах и каждому непременно пожать руку, откликаясь на вежливое немецкое «ч-у-у-с», что значило – «пока». Альтернативы не было – можно было, конечно, рискнуть и попытаться прорваться к двери, прижав руки и не останавливаясь, но это вполне могло вызвать адекватную реакцию со стороны вежливых хозяев территории. Стало немного страшно. Из их тургруппы поступить таким образом не рискнул никто – все, сцепив зубы, пожимали влажные ладони психически больных, стараясь максимально сократить по времени эту процедуру и мыча в ответ этот самый непонятный тогда «ч-у-у-с», ставший, спустя годы, таким привычным в их семье.

Но мысленно уже набросанный Алексом порядок развития событий сейчас неожиданно оказался нарушен – сделав очередное раскачивающееся движение, старик чуть

вздрагнул от резкого изменения тона в наушниках. Даже Алексу через треснувший наушник было слышно, как прибор вдруг буквально запел на высокой ноте. Старик еще раз медленно повел металлический штырь из стороны в сторону, локализуя место, над которым сигнал был самым сильным, и замер. Потом поднял глаза и посмотрел куда-то назад, на единственный поблизости четырехзвездочный отель, перевел взгляд прямо на Алекса, словно ожидая реакции этого толстого иностранца на поведение своего обшарпанного детектора. Рабочие на своем уборщике успели уехать далеко вперед, и сейчас на всем ближайшем пространстве утреннего пляжа они были одни.

Алекс тяжело приподнялся и встал; заняла поясница – час на влажном песке, холод которого легко проникал через полотенце, явно не улучшил ее состояния. Старик, уже не обращая на него внимания, осторожно положил металлический штырь с кольцом, стянув с головы наушники, присел на корточки. Покопавшись в холщевой сумке, он извлек какое-то металлическое устройство, напоминающее маленький лоток с дырками, и подцепив им верхний влажный слой песка, стал медленно просеивать его, разминая плохо гнущимися пальцами падающие комочки.

Шестидесятые годы, Москва

Пытаясь вспомнить то время, очень быстро понимаешь, что целостной картины детства, школы, сейчас в голове уже не осталось. Так, отдельные вспышки, словно выхваченные мощным кинематографическим ДИГом из пелены, куда ушло уж совсем давнее прошлое. Впрочем, если суммировать, то кусочки эти все равно складываются в некую общую мозаику, дающую представление о том, как все это было тогда. Мы уже жили в многоэтажном доме на Профсоюзной, считавшейся главной магистралью знаменитого на всю страну столичного района Черемушки. Прямо под окнами располагался автобусный круг, с которого отправлялись по району рейсовые автобусы – смешные сегодня коробочки с узкими окошками. Выходя из плохо покрашенного подъезда, в котором на первом этаже то и дело хлопала тяжелая серая дверь лифта, можно было свернуть налево, в большую арку и тогда оказаться сразу на широкой улице, прямо у аптеки. Рядом был еще мебельный магазин, в который люди заходили, главным образом, чтобы повздыхать – даже немногие деревянные уродцы, выставленные тут в качестве образцов, приобрести сразу было нельзя – надо было выстоять долгую очередь у себя на работе и дожидаться желанной открытки, на что подчас уходили годы. Пятачок перед деревянной дверью небольшой аптеки часто становился местом для милых забав ребят из нашего большого двора. Собственно, круглый год вариант был один и назывался он «гуманок», но в деталях, в зависимости от дня недели, можно было проявить фантазию. Главным было добыть в очередной раз где-нибудь пусть потертый, но все же не утративший своих родовых признаков пустой кошелек или портмоне. Как правило, кто-то утягивал столь необходимый предмет из дома, приобретая, таким образом, право на лидирующую на сегодня роль. Затем предстояло, как сказали бы в наши дни, промониторить окрестные газоны и двор в поисках основного составляющего действия – свежих собачьих экскрементов... Их следовало палочкой затолкать в кошелек таким образом, чтобы его очевидная припухлость будила в обнаруживших находку радужные надежды. Дальше, в зависимости от погоды и наличия времени, ситуация могла развиваться по двум направлениям, доставлявшим, впрочем, всем принимавшим участие в очередном психологическом эксперименте местным пацанам равное моральное удовлетворение. Можно было сразу незаметно уронить кошелек рядом с аптечной дверью, то и дело пропускавшей на улицу покупателей, и просто затаиться на газоне за ближайшими деревьями. В этом варианте оставалось ждать совсем недолго, наблюдая, кому из прохожих повезет первому... Наткнувшийся на ценную находку, оглядываясь, тот осторожно поднимал с асфальта найденное сокровище и, прикрывая спиной его от других прохожих, торопливо запускал туда пальцы, желая побыстрее узнать степень своего сегодняшнего везения. Медленно меняющееся выражение его лица служило потом поводом для обсуждения минимум пару дней. Второй, более технически изощренный вариант, состоял в том, что к плотно набитому кошельку привязывалась тонкая, почти незаметная нитка, позволяющая одному из команды в самый последний момент, слегка дернув, увести предмет вожделения у прохожего из под самого его носа. Не сразу сообразив, в чем дело, он удивленно оглядывался, а потом, пытаясь не обратить на себя внимание окружающих, начинал незаметно ловить прыгающий кошелек ногами, что продлеvalo нам удовольствие. Когда же после двух или трех неудачных попыток ему это удавалось, он с удовлетворением брал его в руки, предвкушая всю ценность победы над силами природы, и открывал – организаторы акции испытывали особое удовольствие от издаваемых им на всю улицу матерных криков восторга. Потом надо было выждать минут десять, пока на отброшенный кошелек не обращала внимание новая жертва.

Еще одним развлечением, позволяющим скрасить после-школьное время, были игры в расшибалочку и догонялочку, привлекавшие в одинаковой степени как мальчишек из «при-

личных» семей, вроде меня, так и дворовое хулиганье. Суть первой заключалась в попытке перевернуть одну из лежащих на асфальте монет, попав по ее ребру другой, а по правилам второй надо было прицельно бросать выплавленную дома тяжелую свинцовую шайбу, стараясь попасть на асфальт таким образом, чтобы до искомой монеты можно было дотянуться максимально растопыренными пальцами руки. Тут, кроме глазомера, нужно было обладать известной гибкостью ладони, позволявшей покрыть максимальное расстояние между битой и лежащими на земле монетами. В случае неудачи эта история могла обернуться немалыми финансовыми потерями.

Сама по себе учеба в школе номер восемнадцать, до которой каждое утро надо было идти мимо кинотеатра «Молния» с меняющимися афишами над входом, особого удовольствия не доставляла. И сейчас, пытаюсь мысленно вернуться в прошлое, вспоминаешь лишь то, что было связано с самим процессом учебы косвенно. Например, прямо перед школой было расположено большое незастроенное тогда поле, заканчивающееся лентой каменных гаражей, крыши которых были покрыты черным толем. Идти гулять «на гаражи» строго запрещалось, и потому всегда было желанным вариантом – с них можно было, рискуя нарваться на железяку или подвернуть ногу, прыгать в сугробы, прятаться и вообще ощущать себя где-то очень далеко от опостылевших уроков. Однажды, морозной зимой, мама везла меня через это самое поле на санках, а из каких-то подсобных сарайчиков, тоже ютившихся возле гаражей, навстречу выскочила тройка симпатичных поросят. Закутанный в обезьянью шубку и шарф, я начал им громко похрюкивать (каковой способности не лишился и до сих пор) и к моему, и маминуму глубочайшему удивлению был принят за своего. Они пошли за нами до самого конца поля и грустно остановились только у начинающегося перед «Молнией» асфальта – поклонниками кинематографа они явно не были. Пожалуй, это был первый случай, когда я реально ощутил среди окружающих живых существ по-настоящему понимающие души...

А еще к нам в громадный московский двор время от времени заезжал настоящий старьевщик. Он сидел на телеге, в которую была запряжена худая спокойная лошадь и, дождавшись сбегаящихся дворовых мальчишек, откидывал краешек большой тряпки, прикрывающей собранные за сегодня ценности, и начинал неспешную торговлю. Убей, что бы я вспомнил, что именно он ждал от нас – поношенных домашних вещей, пустых бутылок или что-то еще. – не помню. А вот то, что расплачиваться он был готов множеством крайне полезных вещей, приобрести которые где-то в ином месте было абсолютно нереально, в памяти осталось. Например, в обмен на некие ненужные «ценности» можно было при усиллии заработать большой пугач из непонятного материала, имитирующего алюминий, реально громко стрелявший какими-то патрончиками или пистонами. Правда, за него (это запомнилось) того самого, чего он ждал, надо было принести очень много, и потому такая вещица для большинства ребят была почти недостижима.

В нашем дворе жила большая часть нашего класса, включая почти всех достойных внимания девчонок. В противоположном подъезде – через двор – обитала Лариса Власова. Спустя уже приличное число лет после школы, было у нас с ней что-то вроде романа. Закончив Инъяз, она работала в Интуристе и несколько раз проводила меня в абсолютно изолированный в те времена для публики отель на улице Горького, сегодня уже снесенный вредителем, многие годы занимавшим пост московского мэра. Тогда это был абсолютно закрытый валютный мир, куда доступ советским людям был практически закрыт; мы сидели с нею в баре на втором этаже, и через большие панорамные стекла была видна и тогда уже круглосуточно бурлящая главная улица столицы. Позднее я затащил ее в правительственный загородный пансионат «Лесные Дали», куда имел изредка доступ, благодаря знакомству с сыном первого замминистра высшего образования Красновым. И мы все-таки оказались в министерской постели на отдельной большой даче для особо ответственных, положенной заму

союзного министра – четкая градация существовала и внутри огороженной территории пансионата. Однако идти до конца она все же не решилась, а потому мы, проведя ночь вместе, так и остались вроде как бы просто школьными друзьями. Через дом жила еще одна девочка, достойная внимания. Ее звали Ира, а фамилия была ну очень знаменитой – Косиор. Был такой первый секретарь ЦК компартии Украины, активный инициатор репрессий, в тридцатые годы – член всего, чего было можно, включая Президиум ЦИКа, и сам же впоследствии расстрелянный соратниками. В их небольшой квартире на втором этаже такого же дома, как наш, все крутилось вокруг Иркиной баб ушки, его вдовы, отбывшей ссылку в Казахстане, которой теперь, спустя десятилетия, полагались всякие льготы за сгинувшего партийного лидера. Строгая, всегда в наглухо застегнутом платье с воротничком-стойкой она одним своим появлением могла заставить гостей приумолкнуть и более или менее убедительно изображать почтенное внимание. С Ириной у меня тоже что-то, кажется, было – но тоже не слишком удачно. В соответствии с бабушкиным воспитанием она берегла себя для замужества. Мораль – неумно пытаться изменить статус школьных подруг на подруг просто – во всяком случае, если не планируешь на них жениться. Уже работая в АПН, я как-то в экстренной ситуации пригласил ее в командировку в Алма-Ату в качестве переводчицы в киногруппу. Она тоже заканчивала Инъяз. И имел потом втык за то, что привез свою любовницу, толком не знающую языка. Было бы, конечно, куда менее обидно, если бы не только второе утверждение соответствовало действительности.

На днях, случайно встретив знакомую фамилию в Интернете, я позвонил ей из Германии – спустя по меньшей мере четверть века – и она узнала голос. Живет в том же районе, правда, в другом доме. Преподает немецкий в школе, муж – физик, профессор, двое взрослых детей и уже годовалая внучка – ну просто ужас какой-то: Киса – бабушка.

К школьным временам относится и запомнившаяся первая попытка отстоять собственную точку зрения. Было это в четвертом классе. Увлечшись астрономией, я к тому времени пересмотрел множество популярных книжек об устройстве всей небесной механики и познании ее человечеством, начал зачитываться фантастикой, связанной с космосом, и ощущал себя абсолютно уверенно в этой области. Поэтому, когда на очередном уроке географии немолодая уже и, как выяснилось, не страдающая излишком образования, наша географичка, рассказывая о строении солнечной системы, вскользь сообщила классу, что солнце – это планета, я уже не смог сдержаться. На перемене я предельно вежливо проинформировал ее, что солнце – это совсем никакая не планета, а звезда. Географичка покраснела.

– Ты, Саша, самый умный, да? – она старалась говорить потише, чтобы не услышали другие. – Тебе чего – что-то непонятно? Я же, кажется, ясно сказала, что солнце – это планета, но самая главная. И твое мнение по данному вопросу мало кого интересует, – она уже начинала закипать. – Ты что, умнее педагога себя считаешь, да?..

Поскольку подтверждение этого логичного предположения могло бы привести к непредсказуемым последствиям, я на всякий случай отошел. А на следующий день, захватив из дома книжку, остановил учительницу в коридоре.

– Вот... – я торжественно развернул солидный иллюстрированный том. – Вот, посмотрите... тут написано: «Солнце тире звезда». Потому что планета светит отраженным светом, а звезда всегда своим.

От такой наглости географичка даже прислонилась к стене.

– Убери свою книжку, умник, и больше никогда не смей приносить ее в школу. Будет всегда так, как я сказала. А ты... ты в четверти у меня получишь... – она не договорила, потому что у классной двери уже собирались ребята, с любопытством прислушиваясь к нашей беседе.

Осознание, что даже абсолютно объективная истина в этой жизни вовсе не обязательно является очевидной для всех, произвело на меня тогда сильное впечатление. Правдой, оказы-

вається, автоматически становилось то, что утверждал собеседник, занимающий более высокое положение. Я решил тогда, что, когда вырасту – сам никогда не буду настаивать, что есть только две точки зрения по любому поводу – моя и ошибочная. Теперь, анализируя, удавалось ли мне это, могу честно сказать – не знаю... возможно, нет... Но я действительно старался.

К временам далекого теперь детства относится и история с первой неосуществившейся мечтой. Однажды на излюбленном пятачке перед нашей аптекой я увидел чудо. На меня прямо по тротуару, сверкая включенными фарами, сам по себе двигался небольшой яркий автомобильчик, за рулем которого сидел мой ровесник. Небрежно развалившись, он время от времени распугивал нервно расступающихся прохожих громкими гудками, извлекаемыми из хромированного клаксона на стойке, и, очевидно, где-то внизу двигал велосипедными педалями, заставляя машину катиться сравнительно ровно. За автомобильчиком шла небольшая толпа ребят и взрослых, возглавляемая гордой мамой мальчика. Ничего подобного ни я, сын уже тогда известного в стране кинорежиссера, никто другой из нашего двора никогда еще не видел. До выпуска автозаводом АЗЛК танкообразного детского педального автомобильчика «Москвич», мало чем отличающегося от основной продукции автопредприятия, оставались еще годы, и эта штука была явно привезена из заграницы, судя по яркому дизайну, вполне вероятно, аж из самой Америки. С тех пор обладание подобным авто стало на ближайшие несколько лет основной целью моего существования. Я представлял, как подкатываю к нашему подъезду, куда там отцу на его «Победе» или студийном «Бьюике» с откидными палочками-поворотниками, – и гордо останавливаюсь в нескольких сантиметрах от крыльца, давя на громкий гудок и вызывая завистливые вздохи всего дворового сообщества. И сегодня еще, науправлявшись уже на дорогах множества стран всем, что двигается, от грузовиков до мерседесов различных моделей, я бы, наверное, с удовольствием променял бы любой из них на то сверкающее чудо из детства. Поставил бы в кабинете на полу перед стенкой с книжками и время от времени просто осторожно касался бы отполированного бока. Не случилось – как и многое другое.

В то время государство не любило переписываться со своими гражданами, и если какая-то официальная бумага вдруг обнаруживалась в почтовом ящике – значит, дело было достаточно серьезным. Именно так прореагировала наша семья, когда однажды отцу принесли стандартную повестку из военкомата с предписанием немедленно явиться туда, имея с собою ложку, кружку, смену белья и что-то еще столь же угрожающее. Он работал над очередной картиной – это была, кажется, «Княжна Мери», а может быть, уже и «Екатерина Воронина», да и возраст его был уже далек от призывного, так что мы переполошились ужасно. Отец уехал рано утром и не звонил в течение всего дня. Мы с мамой не находили себе места, слоняясь по квартире и строя ужасные планы сиротливой жизни без главы семьи. Наконец, когда рабочие часы всех учреждений уже истекли, мы не выдержали и спустились вниз, во двор. Казалось, на улице время пойдет быстрее. И тут наконец подъехала наша «Победа», и из машины вышел улыбающийся Исидор Маркович. Оказалось, вызывали его только для того, чтобы объявить о снятии с воинского учета по возрасту, а задержка была связана с тем, что военные не захотели отпустить известного режиссера без подробного рассказа о его кинофильмах. Ощущение страха однажды остаться вдруг без любимого человека врезалось тогда в детскую память надолго. Может быть, поэтому я впоследствии так тяжело переживал развод родителей и старался, как мог, восстановить то, что восстановить, очевидно, было невозможно.

Пришел день, когда я, упершись, заявил дома совершенно официально, что в школу я больше не ходок – терпеть все эту дребедень сил больше не было. Мне было, например, плевать на все тангенсы вместе с котангенсами – даже сегодня эти непонятные слова вызывают рвотный инстинкт, а, чтобы пол учить хотя бы тройку по алгебре или тригонометрии, надо

было как минимум уметь отличить один от другого. Это оказалось выше моих сил – или, вернее, столько этих самых сил мне было обидно тратить на то, что, как было абсолютно ясно, в жизни мне никогда не пригодится. Однако тихая ненависть к советской школе вовсе не означала, что я не хотел учиться дальше – будущее было для меня очевидным – я хочу стать кинорежиссером как отец. А без ВГИКа это было невозможно.

Надо было что-то делать, и после скандалов и уговоров родилось логичное решение – устроить меня на работу. Таким образом, решались сразу две важные задачи – я оказывался и при деле, и начинал зарабатывать крайне важный в то время двухлетний производственный стаж, дающий основание для поступления в вуз по льготным по сравнению с выпускниками школ спискам. А получить аттестат о среднем образовании можно было параллельно работе в популярной тогда так называемой вечерней школе рабочей молодежи.

Однако оказалось, что существует проблема, препятствующая реализации этого замечательного плана, и проблема весьма серьезная. Ждать я не желал, а по существующему в СССР законодательству дети не могли официально работать на производстве до достижения ими хотя бы пятнадцати лет. Как и всегда помог отец. Он позвонил знакомому заместителю гендиректора «Мосфильма» Осману Хасановичу Караеву, и уже совсем скоро состоялось специальное решение фабричного комитета (фабкома) о моем зачислении на киностудию в качестве ученика радиомонтажера. Таким образом, я оказался, наверное, одним из очень немногих молодых людей в Москве, официальный рабочий стаж которых начался в советское время еще в четырнадцать лет, чем впоследствии всегда гордился.

Попад в «большое кино» – большое в буквальном смысле – Мосфильм уже тогда был одной из крупнейших киностудий на континенте – я с любопытством изучал бесчисленные коридоры и закоулки студии, заглядывал в гигантские павильоны, где шли съемки и находились производственные цеха. Причем делал это с куда большим энтузиазмом, чем те задания, которые мне поручали. А они сводились к пайке оторвавшихся проводков в радиосхемах, что наскучило мне довольно быстро. Запах канифоли раздражал глаза, а однообразность процесса мало чем отличалась от надоевших школьных занятий. Оценив мой угасающий энтузиазм к такой работе, руководство звукоцеха, куда я был официально направлен, перевело меня на другой участок – в шумовой кабинет тонстудии. Именно там и прошли мои два с половиной года работы на Мосфильме.

Сама эта работа была уникальна, о чем я впоследствии не преминул тиснуть статейку в популярную тогда в стране газетку «Советское Кино». Называлась она «Хозяева шума». Принявшие меня две дамы – толстенькая веселая, похожая на колобок Аллочка Мейчик и длинная сухая Ирина Кислова, перенесшая всю нерастрченную нежность незамужней девы на появившегося поблизости подростка, учили меня шумовому озвучению картин. Вся создаваемая на студии продукция непременно проходила через наш «шумовой кабинет». Морской прибой, возникающий при наклоне длинного ящика с сухим горохом, и скрип калитки, рождающийся от проворота с нажимом деревяшки в деревянной же колоде, смачная пощечина, возникающая на экране от шмяканья кочана капусты о булыжник, и цоканье копыт – подкова о камень – по брусчатке. Все это синхронно под изображение делали мы, глядя на идущий на кольце ролик с очередным эпизодом. Главным было, чтобы в момент записи в изолированном ателье не возникли посторонние шумы – к примеру, не заурчало в животе плохо позавтракавшего шумовика. Коллекция шумотеки студии была тогда крайне скромной, и сегодня, спустя много десятилетий, при просмотре старого фильма вдруг внезапно вспоминаешь, что это звяканье кандалов героя было, кажется, сделано мною куском металлической цепи, а скрип качающегося на ветру старого фонаря родился от подрагивания на весу пустого ведра. Все новые картины, правда, по кусочкам и, как правило, без реплик актеров, мы смотрели первыми, еще на стадии монтажа, и могли оценить, что ждет зрите-

лей через три – четыре месяца после завершения работы. Словом, деятельность оказалась действительно творческой и очень интересной. Незаметно пробежал год, начался второй.

Параллельно я пошел учиться, как и собирался, в вечернюю школу – она находилась прямо напротив студии. Окна классов выходили на громадный участок правительственных дач за высоким каменным забором, существующий и сегодня, и прозванный народом поселком «Ленинские заветы». Летом, минимум два или три раза в неделю, было хорошо слышно, как там кто-то после очередного хрущевского приема громко командовал через динамики: «Машину военного атташе Норвегии – к подъезду!» Или «Машину посла Японии – к подъезду!». Что-то похожее по тональности промелькнуло потом в эпизоде «Июльского дождя» у Хуциева. Через год я получил свидетельство об окончании девяти классов – главным образом благодаря классной руководительнице Ате Андреевне, преподавательнице ненавидимой мною математики, сразу сообразившей, что ее наука не является предметом, которому предстояло определить мою судьбу, и очень спокойно, без обид, это обстоятельство воспринявшей. Я ей был бесконечно благодарен за это понимание. Однако для поступления в институт нужен был аттестат о среднем образовании – а это означало еще год зубрежки. Выход нашелся – к тому времени в Москве появились платные девятимесячные курсы по подготовке к экзаменам на аттестат экстерном. После их окончания группы обучавшихся прикрепляли к какой-нибудь средней школе, где местные преподаватели после экзаменов и выставляли оценки. Поскольку по определению считалось, что за девять месяцев нельзя полноценно освоить программу, было указание – оценок выше тройки не по одному предмету курсистам не ставить. Большинству окончивших курсы – людям, в основном, уже куда старше меня, в силу разных причин не получившим в свое время среднего образования, – нужен был лишь сам аттестат – независимо от указанных там оценок. Мне же по молодости показалось обидным, что законная тройка по математике будет соседствовать с такой же тройкой по литературе и русскому, о чем я и не преминул сообщить удивленным моей наглостью преподавателям. Сообразив, что я таким образом обозлив педагогов, могу испортить жизнь остальным курсистам, мне несколько работяг из группы быстренько пообещали устроить темную – сразу после экзаменов, прямо в школьном дворе. Аргумент показался мне достаточно убедительным, я плюнул на всю глубокую несправедливость бытия в лице недостойной оценки по любимому предмету и на всякий случай ретировался после экзаменов пораньше и черным ходом. Как потом мне рассказали лояльные соученики, с моей стороны это было сделано весьма мудро и уже тогда свидетельствовало о явном наличии глубоких аналитических способностей. Другими словами, когда вербально обещают набить морду, есть смысл в это поверить, не дожидаясь более весомых доказательств. Так что в валяющемся где-то аттестате об окончании средней школы у меня стоят исключительно тройки, правда, компенсированные крупной надписью – «экстерном».

Конец шестидесятых, Украина

...Наверное, у меня все будет вполне прилично. Нет, не здесь – хотя и это не хотелось бы исключать. А ТАМ. Потому что я однажды сделал Доброе Дело. Возможно, конечно, и не однажды. Даже вполне вероятно. Нет, даже почти наверняка. Просто все остальное прошло мимо моего внимания, не отложилось в памяти – да и, слава Богу. А вот тот случай, когда мне, совсем еще мальчишке, удалось реально помочь человеку, помнится до сих пор, хотя с тех пор прошло уже ни много ни мало – больше сорока лет.

Все мы жили тогда в довольно странном государстве, лидеры которого на полном серьезе были убеждены в том, что достаточно повелеть однажды верить в единые ценности туркмену и эстонцу, и символом страны сразу станет знаменитый фонтан «Дружбы народов» на ВДНХ. Сама мысль о том, что при первом же ослаблении железного обруча власти, стягивающего в единую страну, как давно пересохшую бочку, целые народы, тара эта развалится на отдельные, не слишком притертые друг к другу дощечки, и прольется из нее вовсе не вино, а нечто совсем иное, выглядела невероятной. Были у такой организации народного бытия и вполне очевидные преимущества – повсюду существовала по своему логичная и жесткая вертикаль власти. Нынешний «национальный лидер», пытаясь выстроить что-то похожее, не понимает, что при существующих теперь пусть лишь зачатках демократии и приобретенных уже первичных навыках самостоятельного мышления, основываться лишь на страхе перед начальством невозможно. К целесообразности своей реальной ответственности – но вовсе не от вышестоящих, а от окружающих – люди должны придти сами через нормальное гражданское общество. Тогда же существовавшая система была удобна потому, что действовала по единым примитивным правилам, изучив которые в одном месте, можно было смело рассчитывать на успех в любом другом. Скажем, любое публичное выступление центральной газеты по тому или иному поводу неизбежно приводило к незамедлительной попытке властей так или иначе вмешаться в описанную ситуацию, наказать виновных, а маленькая заметка в самой «Правде» была уже судебным приговором последней инстанции, который просто подлежал незамедлительному исполнению.

Я начал писать – главным образом о кино; репортажи и заметки стали появляться в московской «Вечерке», в популярной газетке «Советское кино» и даже в самом органе Министерства культуры СССР – «Советской культуре».

За ударный труд на ниве советской публицистики был – после настоятельных напоминаний – вознагражден стараниями первого моего в жизни редактора Паши Аркадьева и зав. отделом Владимира Николаевича Шалуновского удостоверением внештатного корреспондента «Советской культуры»; мне тогда едва исполнилось восемнадцать лет. И вот, как однажды выяснилось, эта коричневая книжечка оказалась способной на серьезное дело.

В 68-ом, после долгих проверок подробнейшей анкеты, меня приняли ассистентом кинорежиссера, естественно, третьей категории (то есть – совсем за гроши) – на киностудию Минобороны, снимающую технические и учебные фильмы, большей частью закрытые. Я получил четвертую степень допуска к секретности, практически первоначальную, и мы поехали вместе с начинающим режиссером Проценко на место съемки в Полтаву, в артиллерийское училище, создавать учебное кино про систему наведения какой-то очень засекреченной «шилки» – самоходной зенитной установки. Лента носила захватывающее название, к сожалению, не сохранившееся в моей памяти, но звучащее приблизительно так: «Наведение и стрельбы из пушки ЗСУ-23-4» или, во всяком случае, что-то весьма близкое к этому, а литературным сценарием почти без поправок служила соответствующая инструкция, разумеется, тоже страшно секретная.

В один из унылых ноябрьских дней я забрел на главный городской почтамт – кажется, хотел купить открытки в Москву. За заляпанными чернилами деревянными прилавочками люди выводили тексты телеграмм и писем. Мне показалось, что сзади как будто кто-то тихо всхлипывает. Я оглянулся. Худой старик без шапки в застегнутом не на те пуговицы поношенном пальто несколько раз, щурясь, примерялся к графе в открытке, но так и не мог начать.

– Не вижу... ну совсем, слушайте, я уже не вижу... – он поднял слезящиеся глаза и замолчал. Я вызвался ему помочь.

– Таки правда? Ой, спасибо вам. – он закивал головой: – это сыну... Яшеньке... Меня не пускают, а это она ему отдаст. обязательно... может быть... – говорил он тихо, почти глотая слова. – Вы вот тут... только адрес... Это, где я живу... жил...

Руки у него слегка тряслись, и он вытер глаза рукавом своего пальто.

Еще через полчаса я с трудом уговорил его рассказать потрясшую меня историю короля Лира, выгнанного собственным сыном и невесткой из полученной когда-то им комнаты на улицу.

– И где же вы теперь спите? – спросил я. – Сейчас же уже холодно.

– О, тут все хорошо... вы не подумайте... все очень хорошо. Меня пока пускает в коридор одна славная женщина из нашей гемайды... да... Вы, наверное, не знаете, но евреи всегда помогут евреям... Главное, надо приходиться не рано, чтобы не очень мешать.

Мне стало не по себе. Я представил, как мы сейчас выходим из теплого почтамта; я иду к себе в гостиницу, а он, опустив поздравительную открытку для сына в почтовый ящик при входе, остается на слякотной улице. Уточнив еще что-то, я сказал, чтобы он ждал меня, и пошел просить у сотрудницы почты лист чистой бумаги.

– Вот, – вернувшись, я положил его перед стариком. – пишите...

– Слушайте, что я должен писать, зачем? – заволновался он. – Не надо ничего писать. У Яшеньки могут быть неприятности... вы знаете, он ведь коммунист... и у них там очень теперь строго.

– Пишите, – настаивал я. – Я подскажу. Вернувшись в гостиницу, я раздобыл телефон председателя горисполкома и, набрав номер, сказал помощнику, что я – спецкор всесоюзной газеты «Советская Культура» из Москвы, находящийся в области с проверкой театров, хотел бы незамедлительно повидаться с председателем. Времени мало, поэтому мне будет удобно сделать это еще сегодня. Через три минуты мне перезвонила секретарша и сказала, что председатель меня очень ждет. Кто бы сомневался.

Если откровенно, то при всем моем безапелляционном напоре столичного журналиста на этого грузного украинского дядьку при галстукке, я рассчитывал максимум на то, что моему старику-ветерану, опасаясь громкой газетной заметки типа «Полтавский король Лир», найдут хоть какую-то койку на время, может быть, как-то немного помогут на первых порах прокормиться. Но, похоже, я недооценил тогдашнюю силу печатного слова.

Наша киногруппа уехала дня через три, а спустя еще неделю на оставленный мною домашний адрес пришла открытка из Полтавы с неразборчивым текстом, с трудом выведенным дрожащей рукой. Они дали ему отдельную комнату, прописали там, переоформили на новый адрес пенсию и купили еще из каких-то фондов немного мебели. Он писал, что невероятно счастлив, благодарил меня трогательными словами, которые я не слышал ни до, ни после и твердо обещал, что Бог мне впоследствии всенепреренно отплатит... ну и так далее. Это было написано так просто, уверенно и искренне, что создавалось впечатление, что автору и в самом деле удалось согласовать свои обещания с их будущим Исполнителем.

Потом в течение еще лет пяти с завидной регулярностью к каждому государственному празднику мне приходили скромные открытки из Полтавы с чудесными словами, и я всегда

отвечал. А потом открытки к праздникам приходить перестали. Самое страшное, что я сейчас не могу вспомнить его имени.

Семидесятые, Москва, район ВДНХ и другие

Когда я стал его студентом, Всесоюзный государственный институт кинематографии еще не имел, как сегодня, свой престижный титул Университета. Для сохранения уважения к старейшей в мире Государственной киношколе, существующей с 1919 года, во всем кинематографическом мире как-то вполне хватало фамилий ее отцов-основателей – Кулешова, Эйзенштейна и выпускников – Тарковского, Хуциева, Иоселиани и многих других. Только пару лет назад, когда пришла идея всегда скромное финансовое состояние учебного заведения (как, впрочем, и большинства учреждений культуры, довольствующихся крохами от миллиардов, идущих на не взлетающие ракеты и тонущие подлодки), – улучшить формальным переименованием в Университет, задумались. С упразднением слова «институт» – автоматически ликвидировался и знаменитый бренд – ВГИК. Вместо него получался никому не известный неудобопроизносимый ВГУК.

Со слоновьим изяществом светлые администраторские головы вуза нашли оригинальный выход из положения – в полном соответствии с народной мудростью о необходимости сохранить овечек и в то же время накормить голодных волков, решили последним просто отдать пастуха и собаку: и прежнюю аббревиатуру сохранить и новый статус с соответствующими зарплатами и ректорским «мерсом» приобрести. Отсутствие логики никогда не становилось препятствием для чиновников в нашей стране. Теперь – кажется, впервые в России – полное название государственного учреждения не совпадает с его аббревиатурой – зато ВГИК и при своем новом статусе Всероссийского государственного университета кинематографии, к счастью, не стал ВГУКом.

Другое дело, что при попытке хотя бы некоторую часть добытых вместе с новым титулом очень немалых средств использовать по назначению – на строительство нового учебного здания – старое, просуществовавшее не один десяток лет, почему-то тут же просело и дало опасную трещину. даже пришлось семестр заканчивать раньше, чем полагалось – не дай бог стукнет сверху кого-то из ректората, где потом новые светлые головы искать. Сейчас в подвесном застекленном переходе, ведущем из основного здания в учебную киностудию, табличка рекомендует не находиться больше, чем пяти, идущим одновременно.

Ну это, как любят теперь заканчивать передачи на ТВ, «совсем другая история...», а зубоскальство над родной «Альма-матер» простится, хочется верить, оптимисту из семьи, уже третье поколение которой скоро получит тут диплом. Теперь вот – уже университетский.

А тогда нас оказалось тринадцать. Собственно, творческий конкурс в те времена был немного выше, чем в наши дни – если считать с момента отправки работ на предварительный отбор, получалось человек семьсот на одно место на сценарном факультете.

Тринадцать... Жесткий мир кино за последующие десятилетия осуществит на моих глазах не слишком справедливую селекцию среди тех, кто пришел тогда в нашу киномастерскую с надеждой мир этот перевернуть. В искусстве, как бы ни банально звучала эта давно доказанная истина, будущее художника определяют далеко не всегда подаренные природой и развитые трудом способности. В таком же деле, как кинематограф, где в большинстве профессий просто невозможно реализовать в одиночку, а лишь в кругу единомышленников, на постоянный поиск которых, по существу, и уходит жизнь – это правило, пожалуй, особенно наглядно и очевидно. Такая вот беда...

В размещенной сегодня в Википедии статье о нашем Мастере – Иосифе Михайловиче Маневиче, есть фото нашего, последнего его курса, сделанное перед самым выпуском. Там оказались не все, только девять студентов плюс, конечно, сам наш «Жозя», как между собой именовали Маневича в кругу московских кинематографистов, и его постоянный «Фур-

манов» – приставленный к беспартийному еврею-профессионалу партийный помощник – «комиссар» по фамилии Диков. На фото не хватает троих из нашего курса.

Один из них – Хасанчик, кучерявый араб из Сирии, приехал в Москву за автомобилем. В те годы Советский Союз с легкостью принимал на обучение студентов из так называемых дружественных стран третьего мира, с энтузиазмом тратя на это деньги собственных налогоплательщиков. Руководители первого на планете социалистического государства были уверены, что вместе со знаниями по профессии за годы обучения гостям с легкостью удастся вдолбить и светлые коммунистические идеалы. Уж очень хотелось иметь свои «пятые колонны» на всех континентах. Для этого даже строились специальные ВУЗы вроде переехавшего потом на Ленинский проспект, неподалеку от моего дома, Университета Дружбы народов; финансировалось проживание и обучение десятков тысяч молодых людей из Африки, Азии и Америки, в отличие от настоящей, именуемой Латинской. Естественно, что жилось приезжим на порядок лучше, чем советским студентам – ведь вопрос с идеологией последних считался уже решенным, и лишние траты были тут ни к чему. Разумеется, ребята из цивилизованных государств, привлеченные тогдашним серьезным уровнем преподавания в шести – семи советских вузах и сами пожелавшие учиться в Союзе, могли это сделать исключительно за собственный счет.

Спустя годы, многие из выпускников советских вузов, получившие образование бесплатно, возвращаясь, очень быстро забывали сделанную им прививку социализма и прагматично устраивали собственное счастье по рецептам радостно проклинаемого в течение пяти лет капитализма.

Можно было только удивляться решимости нашего Хасана Юсефа, приехавшего в страну учиться специфической профессии, являющейся производной от языка, которым он почти не владел. Впрочем, с трудом и всегда с большим опозданием зачитывая свои наивные литературные опыты, кое-как переведенные на ломаный русский кем-то из его соотечественников, он не обижался на тройки по мастерству, ниже которых ему ставить просто не полагалось. Во всяком случае, будущее свое, как ему казалось, уже тогда он оценивал вполне адекватно, охотно делясь на паузах с нами своими творческими планами.

– Друг, я приеду, я первый профессиональный сценарист в стране буду, понимаешь? Один совсем такой, с дипломом. Хочу сразу «Мерседес» купить, какую-нибудь фильму только напишу – сразу куплю... только решить какой надо...

Получая с первого курса стипендию рублей под девяносто, по сравнению с двадцатью восьмью, которые выплачивались нашим, – он чувствовал себя в Москве вполне комфортно, жил какой-то своей жизнью, успешно перепродавая что-то из привозимых вещей и появляясь на малопонятных ему лекциях лишь в самых крайних случаях.

Я не знаю, что случилось с ним потом, в круговерти событий на Ближнем Востоке последних десятилетий, осуществил ли он по возвращении свою заветную мечту. Думаю, да, если Аллах сохранил его. Правда, есть одно небольшое «но» – кинематографа, как такового, в Сирии тогда не было. Нет, кажется, и до сих пор. Хотя думается, вряд ли столь несущественное обстоятельство могло стать для нашего Хасанчика препятствием.

Нет на этом фото и Гали, изможденной девушки, которой ценой немалых усилий все же удалось к выпуску или, кажется, сразу после него, убедить зарегистрировать с ней брак сокурсника Владимира Лобанова, что, пожалуй, и стало для нее главным итогом пребывания в институте. Нет и самого Володи.

Много десятилетий спустя, совсем уже недавно, в период моей работы в телекомпании «Останкино», в мой маленький кабинетик на третьем этаже Телецентра пришла наша же киногруппа, работающая над популярным циклом об ушедших людях искусства для Первого канала. Часа полтора, пересаженный из кресла за столом на стул на фоне светлой стены, я добросовестно вспоминал еще одного своего сокурсника, волею судеб ставшего, безусловно,

наиболее известным из всей нашей мастерской и успевшем до своего раннего ухода из жизни получить вместе с всесоюзной популярностью еще и несколько государственных премий. Я старался говорить честно о том, что запомнил за годы нашего общения, подчеркивая, что по ряду причин не относился к его самым близким друзьям на курсе; впрочем, и в ином случае не стал бы рассказывать больше, чем следует. Мне всегда казалось, что нет ничего хуже посмертных сплетен об известных людях, даже основанных на абсолютно достоверных фактах. Каждый имеет право на выбор своего пути и, если это не слишком ущемляет других, судить его позволительно только по результатам.

– Ну, вы можете, по крайней мере, сказать на камеру, что это была фигура, во многом равная Шукшину? – попросила редакторша, похоже, заранее уверенная в моем ответе. Логика была несложной, подтвердив исключительность личности, с которой запросто общался, я как бы ненавязчиво обращал внимание будущих зрителей и на собственную значимость. Не оправдал я ее ожиданий, лишь рассмеялся.

– Ну, что вы. это абсолютно разновеликие фигуры... Хотя один подобный человек, кстати, действительно был у нас на курсе, – попытался я объяснить, – настоящий талант, что называется, от земли, только звали его совсем по-другому – Володя Лобанов. Вот он, по моему, и был у нас самым способным, только судьба сложилась у него иначе, чем у Валеры.

– Лобанов?.. – протянула редакторша, давая знак оператору выключить камеру. – Нет, не знаю... Впрочем, в любом случае, вы же понимаете, это не совсем по теме нашего кино...

Я понимал.

Наша мастерская уже ко второму году сама по себе несколько расплзлась на группки, цементируемые, пожалуй, двумя обстоятельствами – сходным предыдущим «доинститутским» житейским опытом и местом нынешнего проживания. Конечно, это было абсолютно условное деление, во многом объясняющееся просто временем, проводимым вместе – либо в институтском общежитии, либо по дороге через город домой. То, что в маленьком творческом коллектив амбициозных молодых людей, каждый из которых искренне был в глубине души уверен в своих особых способностях, гарантирующих ему в будущем профессиональную востребованность, отношения и не могли оставаться простыми, сейчас-то кажется очевидным – иначе и быть не могло. Ведь процесс занятий по мастерству, помимо многого другого, строился как последовательное выполнение разнообразных творческих заданий – от немых этюдов до полноценных сценариев, – и их последующего еженедельного подробного обсуждения, критики на курсе. Конечно, каждому, прежде всего, была важна оценка мастера, всегда подводящего итог общему разговору, но не менее ревниво все относились и к замечаниями, высказанным сокурсниками. Не все из нас, конечно, были готовы сдерживать рвущиеся наружу эмоции. И часто просто не слишком вежливые слова, сказанные о дорогой тебе работе, могли надолго развести тех, кто только что входил в аудиторию друзьями.

Между прочим, это касалось в известной же степени и отношений с педагогами, кроме самого Мастера, которому прощалось практически все. Прямые идеологические наскоки недалекого комиссара мы быстро научились попускать мимо ушей – смешно было бы обижаться на обиженных коммунистическим Богом, но когда абсолютно безапелляционные суждения позволила себе явно неглупая аспирантка по фамилии Михальченко, то жестоко поплатилась.

– Я считаю ваше творчество бесперспективным, – резанула она как-то прямо в глаза на одном из обсуждений нашему Теду – Давиду Макарову, бывшему штурману из Одессы.

– Да меня мало кольшет ваше мнение. – сказал Тед, не поднимаясь со своего места, и демонстративно начал что-то обсуждать с соседом.

Дама эта, несмотря на то, что пригласил ее сам Маневич (она, кажется, должна была у него защищаться), быстро стала пугалом в наших глазах, получила кличку героини как раз показанного на очередном просмотре фильма Хичкока – Ребекка и подверглась настолько

явному презрению всего курса, что Иосифу Михайловичу, видимо, пришлось посоветовать ей больше слушать, чем говорить, а еще лучше – пореже появляться на наших занятиях. Помоему, кстати, она подвизается в институте до сих пор, пишет разработки о том, как стать сценаристом...

Володька Лобанов, житель дальней российской глубинки, с моей точки зрения, так же как Василий Макарович Шукшин, был рожден большим писателем. Бывает, что человек, выросший в далекой от искусства среде, неожиданно осознает собственное предназначение, чем глубоко поражает окружающих. С затруднениями формулирующий мысль на родном языке при наших коридорных спорах, всегда старающийся не стать объектом излишнего внимания, он, судя по зачитываемым ровным голосом работам, преобразался, когда подходил к письменному столу. Писал просто и удивительно образно, лепил характеры героев, как Шукшин, казалось бы, всего лишь фиксируя отложившиеся в памяти наблюдения. Без намека на эмоции, он удивительно спокойно всегда относился к любым нашим резким суждениями, словно понимая, что не нам по большому счету судить им написанное. Одновременно открытый и замкнутый, он, конечно, тоже жил в общежитии, жил бедно, и видимо, ему не всегда хватало силы воли, чтобы противостоять традиционным предложениям обитающих там же сокурсников. У меня, влюбленного в Шукшина, всегда возникало ощущение, что у нас на курсе он самый талантливый, и ему предстоит занять серьезное место, правда, скорее, в прозе, чем в кино. Судьба рассудила иначе.

Он действительно впоследствии напишет несколько хороших сценариев, после первого из которых его на очередной волне «заботы партии о кинематографической молодежи», вопреки существующим порядкам, по единственному фильму даже примут в Союз Кинематографистов. Кстати, пробил и поставил его сценарий о «реальной жизни» «Семейная мелодрама» режиссер Фрумин, очень скоро уехавший из страны. Володе в голову такая идея, разумеется, не приходила. Было еще несколько добротных картин, здорово растянувшихся по времен и, но не одна из них на самом деле не стала даже приближением к открытию. Трудно сказать почему; проза его существовала сама по себе, мало управляя изображением. Ему не везло и в личной жизни. Сегодня о нем как о литераторе, увы, почти никто не помнит.

Словно контрастом его судьбе стала прожитая в кинематографе яркая жизнь другого моего сокурсника – Валеры Приемыхова, о котором и снимали упомянутый мной фильм. Приехав в Москву с Дальнего Востока, он оказался одним из самых возрастных студентов на курсе. Всегда держался по отношению к нам, москвичам, несколько отстраненно, стараясь никак не выказать какое-то затаенное неприятие к тем, кому в настоящее время жилось чуть комфортнее. О себе говорить не любил, и многие из нас лишь к концу учебы узнали, что у него, оказывается, уже есть одно высшее образование – он дипломированный актер, закончивший Дальневосточный институт искусств и уже успевший поработать на сцене профессионального театра на периферии. Кстати, это обстоятельство он по каким-то своим соображениям долго не афишировал и после окончания ВГИКа. Сказать, что его работы за годы обучения как-то резко выделялись среди других, было бы неправдой – так, во всяком случае, с моей точки зрения – достаточно проходные вещи, никак не свидетельствующие об особом литературном даре. Да его, возможно, и не было. Было вызывающее уважение трудолюбие и потом – везение. Наверное, за свою непростую предшествующую жизнь, он заслужил это. Кстати, Маневич, помнится, относился к Валере с уважением – может быть, потому, что тот был опытнее по жизни многих из нас.

Где-то в середине учебы ему вместе с еще несколькими нашими ребятами из общежития удалось найти считавшуюся по тем временам очень неплохую для студента подработку – он устроился кочегаром, потом дворником в какую-то районную контору, получил служебное жилье. Часто приходил на лекции не выспавшийся, иногда явно с сильного похмелья, но хвостов почти не имел.

Близко к себе он почти никого не подпускал, хотя в компаниях принять участие отказывался редко. На предложение завалиться в известный всем поколениям вгиковцев пивбар на ВДНХ откликался охотно.

Много лет спустя, Валера напишет: «...надо уметь быть одиноким, а значит, сильным и рассчитывающим только на себя. В принципе, человек ведь всегда одинок, каждый – это отдельная планета... Многие этого не понимают».

Не поспоришь, потому что правильно. Он понял это раньше многих из нас, так потом – несмотря на круговорот окружавших его людей – и старался жить.

Валера, насколько я его знал, человеком был довольно тяжелым, но при этом удачливым. Конечно, ему повезло со стартом, повезло с режиссером Асановой, отношения с которой он выстраивал во всех направлениях сознательно и методично. По мере роста известности его сложные взаимоотношения с женщинами и старыми друзьями, все чаще становившимися бывшими, не прояснялись. Он многое успел и не успел много...

ВГИК во все времена оставался институтом элитарным, а потому во многом – сословным. Конечно же, не единственным – МГИМО всегда был в этом плане еще более крутым. И если раньше вопрос о поступлении там решался, как правило, уровнем занимаемой в советской иерархии должности кого-то из членов семьи абитуриента, то сейчас еще и числом долларовых нолей на зарубежном счете. Но во ВГИКе совсем не значило, что те, кто не обладал громкой фамилией, но от природы имел дар видеть мир по своему, лишался возможности стать его студентом. Напротив, любое открытие истинного таланта всегда радовало настоящих мастеров из числа серьезных художников куда больше, чем подчас вынужденная услуга родственнику коллеги, с которым завтра предстояло взаимодействовать в достаточно тесном кругу людей, работающих в большом кино. Приехавший из алтайской глуши Василий Шукшин – пожалуй, самое яркое подтверждение этому, хотя можно было бы привести и еще десятки имен, ставших впоследствии первыми лицами отечественного кино. Замечательно, конечно, когда – что бывало не так уж и часто – явное наличие способностей еще и совпадало с уважаемой фамилией. Ну мог ли Сергей Аполлинариевич Герасимов (нет, он-то как раз мог – просто мудро не стал бы...) отказывать в приеме на свой курс дочери заведующего Отделом МИД СССР Наташе Белохвостиковой или сыну народного артиста Коле Еременко.

Эти ребята уже заканчивали тогда институт, и нам пришлось как-то втроем вести вгиковский киновечер в аудитории МВТУ им. Баумана. Я хорошо помню с каким восторгом принимала их уже тогда аудитория, состоящая из студентов и преподавателей. Не за заслуги же родителей, в самом деле.

Конечно, так бывало и бывает не всегда. Иногда отсутствие особых талантов с лихвой компенсируется умом, уникальной изворотливостью и оставшимися от родственников связями. К примеру, у нас на курсе училась очень умная девушка Маша Зверева, с лицом, похожим на мятую грушу – единственная, кстати, получившая впоследствии красный диплом за «правильный» сценарий. Еще при зачислении она благоразумно указала русскую фамилию мамы, отказавшись от не менее русской фамилии-псевдонима, в непростые времена предусмотрительно взятого ее отцом, довольно известным в Москве писателем. Все время студенчества она ходила в комсомольских активистках.

Кстати, ей принадлежит замечательный афоризм, часто потом мною повторяемый. На очередную цитату надоевшего Дикова о нашей гражданской и профессиональной ответственности («Помните, что вы же – инженеры человеческих душ...»), она негромко заметила: «мы – не инженеры, мы – техники-смотрители». Ближе к концу учебы, организовав экранизацию своего сценария, она сходила замуж на несколько месяцев за молодого режиссера, получившего право на дебют и поставившего ее сценарий. Потом быстренько осознав ограниченность перспектив молодого парня, которому эта работа не принесла особых лавров, талантливо поменяла его на другого молодого режиссера – обладателя уже одной из самых

громких кинематографических фамилий – Чухрая... Ну, а дальше все пошло само собой. Как-то, когда уже много лет позднее умная Маша достигла высот административной карьеры и оказалась на выборной должности одного из руководителей Конфедерации, объединяющей все Союзы Кинематографистов союзных республик страны (приказавшей, естественно, долго жить вместе с СССР), я, сокурсник, с которым она вместе училась, попросил ее подписать положенную по уставу одну из двух рекомендаций для вступления в Союз.

– Знаешь, я бы для тебя с удовольствием, – мило улыбаясь и отодвигая чашку кофе за столиком буфета в фойе Белого зала СК, заторопилась она, – но никак не могу... Ведь сам факт моей подписи может быть воспринят как давление на приемную комиссию... ты же должен понимать...

Эта история потом стала известна в кинематографических кругах. А рекомендацию в Союз мне подписал тогда другой человек. Его звали Эмиль Лотяну.

В институте тогда училось много «кинодетей», особенно отличался киноведческий факультет, считавшийся – во всяком случае в те годы – рассадником «позвоночных». В одной только параллельной нам группе, на киноведческом, занимались большой добрый увалень Боря Андреев – удивительно похожий на своего отца, замечательного актера, Ира Баскакова – дочка первого зама председателя Госкино, Наташа Ермаш, дочь тогдашнего председателя кино Филиппа Ермаша, четырнадцать лет возглавлявшего советское кино. Кстати, ее брат Андрей позднее тоже закончил ВГИК, только режиссерский.

Наташа особенно не баловала институт своим посещением. Изредка ее привозила на занятия «Чайка», которую она, вероятно, по настоянию отца покидала еще на повороте, у Студии Горького. Грандиозный фурор среди мужской части студентов она произвела как-то, явившись на занятия в прозрачной блузке без бюстгальтера. Тогда подобное было еще в новинку и произвело на всех шоковое впечатление, хотя разглядывать, собственно, там было почти нечего. Тем не менее после первой же пары наш этаж, на котором занимались сценаристы и киноведы, отчего-то оказался переполнен операторами, художниками и экономистами, у которых неожиданно оказалась тут масса дел.

Во ВГИКЕ тогда преподавали очень разные люди и, соответственно, резко различилось и наше отношение к ним. Была, помнится, немолодая тетка, всегда ходившая на лекции исключительно в мужском пиджаке, с гладко зачесанными назад волосами, носившая феноменально адекватную фамилию – что-то вроде Стучебниковой. Шепотом поговаривали, что еще недавно, в непростые времена, она писала, выживая из института, доносы на коллег – и достаточно успешно. Сотрудники недолюбливали ее и по старой памяти, кажется, даже побаивались. Само собой разумеется, что вела она курс «научного коммунизма». Поскольку сама эта дисциплина состояла из надерганных философских определений, вкрапленных в несколько кило демагогии, я пришел на заключительный экзамен, совсем не готовясь, и даже отвечать пошел, не использовав время для подготовки. Выслушав внимательно все, что я сказал, отвечая на вопросы из доставшегося билета, она внимательно посмотрела на меня.

– Все, что вы сказали, в целом верно, но я же вижу, что вы к моему экзамену совсем не готовились. Я не могу вам поэтому поставить высокую оценку...

Перспектива хватануть тройку в дипломе мне не улыбалась, и я возразил: – Но ведь я же ответил на все вопросы из билета. Хотите – спросите что-то еще, я готов.

– Я понимаю, вы ответите. У вас, молодой человек, просто хорошо подвешен язык. вот и все. – она с неприязнью потянулась к моей зачетке. – Но вы совсем не готовились. я чувствую...

Надо было идти до конца.

– Странно... Во-первых, я готовился... А потом, вы что, серьезно полагаете, что такой глубокий и важнейший предмет, как марксистско-ленинская философия, частью которой

является научный коммунизм, можно освоить без серьезного осмысления и изучения, лишь умея говорить? Очень странно...

Похоже, только тут до нее дошло, что дешевле будет – разойтись по мирному. В зачетке появилась четверка.

К нашему счастью, подобных фигур было немного. Большинство преподававших нам людей являли собою поистине уникальных специалистов, на голову переросших те формальные преподавательские должности, в соответствии с которыми им платили не очень большую зарплату.

Вера Тулякова, высокая, всегда с большим вкусом одетая, красивая молодая женщина, вдова знаменитого турецкого поэта Назыма Хикмета, нашедшего в СССР политическое убежище, рассказывала нам о телевидении, читая курс «Основы телевизионной драматургии». Поскольку в СССР телевидение тогда еще только переживало этап перерождения из простого технического аттракциона в род серьезного искусства, естествен но, большинство ссылок и примеров было из практики других, незнакомых нам западных каналов, уже успевших определиться со многими закономерностями нового искусства. Я, между прочим, до сих пор с волнением пересказываю своим студентам сюжет пьесы американского теледраматурга Пэдди Чаевски, рассказанный нам Туляковой – так, как запомнился он тогда.

...В предрождественском Нью-Йорке на аж каком-то этаже небоскреба, в редакции крупной газеты, Редактор ругался с коллегой – ведущим Журналистом, наотрез отказывающимся сочинить по заказу какую-нибудь душеспасительную историю для праздничного номера. Циник и атеист, как и большинство талантливых людей, к тому же еще доведенный домашними разборками, журналист раздраженно объяснял, что вся эта, высосанная из пальца, дребедень с Рождеством придумана не для прославления вознесшегося мифического Бога, которого нет, а для радостей греющих на ней руки мелких и крупных торгашей, и вообще, любой здравомыслящий американец давным-давно осознал цену этим неумным сказкам и тем, кто их проповедует. Они ссорятся. Журналист, хлопнув дверью, спускается вниз, кутаясь в шарф. Выходит на предпраздничную улицу, засыпанную легким снежком, садится в метро. Поколебавшись, он все же решает ехать домой, на другой конец города хотя и знает, что там его никто не ждет – жена, забрав дочь, уехала из дома на праздники, а, возможно, и на куда больший срок.

Время уже довольно позднее; людей немного. На одной из остановок рядом с ним в вагоне присаживается высокий старик с пакетом рождественских безделушек. Они разговорились, инстинктивно определив, что каждый будет встречать это Рождество в одиночестве. Понемногу почувствовав, видимо, доверие к собеседнику, старик рассказывает журналисту, что много-много лет назад он был солдатом, служившим в американской армии в Европе во время Второй мировой. Уже когда бойня кончилась, его часть стояла в маленьком немецком городке, и он познакомился там с девушкой. Это была любовь с первого взгляда, и они провели вместе удивительную неделю. Ничего подобного до сих пор с ним не бывало. Он пошел к командованию с просьбой разрешить ему забрать девушку с собой, оформив все бумаги. Ему не отказали, но той же ночью пришел приказ, и его часть на транспортных самолетах спешно вывезли на родину. Потом много лет он искал ее. Он писал в Красный Крест, во множество других организаций. Он просил помощи у правительства новой Германии, но он знал только ее имя. Ее так и не нашли, как не старались. Прошли десятилетия – он так и не женился, не в силах забыть свою единственную в жизни любовь... Теперь ему осталось уже не так много времени, и это Рождество он вновь встретит один, думая о той девушке и подаренном ею счастье... Старик уже пора было выходить: «Приезжайте завтра, если захотите, – дернем по стаканчику и поболтаем.», – он сунул в руку журналисту карточку и, путаясь в своих пакетах, заторопился к выходу.

Журналисту предстояло ехать еще долго и, чтобы попасть на его Зеленую линию, надо было сделать еще одну пересадку. Поплутав по подземным переходам, он едва успел впрыгнуть в уже отходящий поезд. Сел на свободное место возле какой-то немолодой дамы, поднял уроненную ею книгу. Та поблагодарила, и в ее речи он уловил чуть заметный акцент. Рождество уже почти наступило, и особенно торопиться, собственно, было уже некуда. Они разговорись, в полупустом вагоне было не так уж много людей, которые в этот час уже никуда не спешат. Ну он-то – ладно, а она – ведь, наверное, ее-то дома ждут – дети, внуки, разве нет? Под стук колес она не сразу заговорила. Много лет назад она жила на другом континенте, в Европе, тогда шла большая война. Она познакомилась с одним парнем, он был американский солдат. Они полюбили друг друга, полюбили по-настоящему, и провели вместе удивительную неделю. Они хотели пожениться и быть вместе всегда. Но солдат неожиданно пропал. Ей сказали, что его часть вернулась куда-то в Штаты. Долгие годы она пыталась найти его, писала много писем в разные организации, в Министерство Обороны... Но она знала только его имя, и его не нашли. Тогда, спустя десять лет, она решила искать его сама. Вышла замуж за какого-то американца и получила право приехать сюда. Они развелись почти сразу, когда муж узнал для чего она это сделала. И все эти годы она была одна и искала того солдата. Но Америка – очень большая, и очень много бывших солдат носят такое же имя... Жизнь почти прошла, близких у нее не осталось, и это Рождество, наверное, уже одно из последних, она опять встретит одна.

– Хотите попробовать этот праздничный круассан? Его пекут в булочной прямо в доме, где я живу. – она протянула журналисту маленький пакетик с логотипом и адресом.

...Журналист вышел из метро, когда снег почти перестал. Прямо через улицу светились, как и в центре, празднично украшенные лампочками двери небольшой церквушки, слышно было как там в теплой тесноте заканчивалась рождественская служба.

Журналист медленно опустил руку в карман и вытащил визитку. Он опустил руку еще раз и достал мятый пакетик из булочной.

Не надо было особых усилий, чтобы понять, что такое в этом мире не случается само по себе.

Сначала он позвонил из автомата редактору и сказал, чтобы оставили место на полосе. Потом, помедлив, пересек улицу, поднявшись по ступеням, вошел в храм и встал рядом с поющими «Аллилуйя» Богу. Рождество наступало.

По-моему, сильная история, если так запала в память.

Наша светящаяся изнутри, замечательная Паола Волкова, ставшая позднее профессором и доктором искусствоведения, уникальным специалистом по творчеству Тарковского, тогда читала нам лекции по истории искусств. В полутемной аудитории менялись слайды с изображением фараонов, гробниц, пирамид, а Паола Дмитриевна как о само собой разумеющемся с конкретными цифрами очень спокойно объясняла нам, что сместить эту массу неподъемных камней при помощи канатов и противовесов, как рисовали в школьных учебниках, было, в принципе, физически невозможно, как невозможно это даже и сегодня с помощью современной строительной техники. И совершенно очевидно, что мог это сделать лишь сам фараон, наделенный неземными силами, символами управления, которыми являлись его странной формы посох и кнут... Она говорила все это настолько просто, убежденно и доказательно, что сомнения в реальности утверждений даже не могли возникнуть, и мы долго «отходили» после очередной лекции. Если сегодня все это уже не кажется чем-то необычным, то в те времена за все нематериалистические эти утверждения можно было запросто вылететь из советского, тем более идеологического вуза. Некая тайна запретного объединяла после лекций Волковой всех нас...

И, наконец, сам «друг парадоксов», «великий и ужасный», оставшийся в памяти многих поколений студентов киноинститута, Владимир Яковлевич Бахмутский, читавший нам

историю зарубежной литературы. Кажется, уже тогда он был немолод, уж точно – не красив, на лекции часто приходил в одном и том же далеко не новом костюме. Даже если было твердо решено, что в этот день тащиться в институт – слишком большая нагрузка для неокрепшего студенческого организма, стоило только вспомнить, что сегодня в расписании Бахмутский, и здоровая лень куда-то исчезала, надо было бросать все и мчаться через весь город. На его лекцию, что совсем не было принято в институте, где целый курс вроде нашего состоял из тринадцати человек, в маленькую аудиторию подчас набивались люди и с других факультетов. Каждая фраза на потрясающем русском ловилась и тщательно заносилась в конспект, а за нею потоком шли новые силлогизмы, требующие немедленного осмысления, что оказывалось совсем непросто. Уже знакомый мир очередного мирового шедевра вдруг оказывался препарированным таким образом, что все менялось, находились новые объяснения поступкам героев, логика которых недавно казалась вполне доступной и однозначной. Возникали парадоксы, над которыми нужно было размышлять. Только полный идиот мог отправиться к нему на зачет или экзамен, проштудировав лишь учебник и хрестоматию. Он задавал такие вопросы, на которые нельзя было ответить, тщательно не прочитав весь текст произведения. Какого цвета был плащ у героя, в какую точно дверь зала он удалился, как называлась рыба, что подали ему на завтрак в том приморском трактире, и сколько именно бутылок вина (кстати, какого?..) осушил его слуга перед тем, как отправиться исполнять поручение. Его любили и боялись, любили за способность заставить мыслить и боялись за невозможность обмануть. Поистине энциклопедические знания всей мировой литературы, казалось бы, давали ему основание относиться к тем, кто знал куда как меньше по крайней мере со снисходительностью. Но он никогда этого не допускал. Его четверка радовала куда больше, чем пятерки многих других, потому что пробуждала самоуважение. Он отдал ВГИКу сорок пять лет своей жизни.

Хотя, конечно, взаимопонимание с каждым из преподавателей становилось весомой частью ежедневной жизни, главным оставался день, когда были занятия, обозначенные в расписании коротким словом – «мастерство». Его ждали, к нему готовились. В этот единственный день на неделе в институт приезжал мастер, и мы, расставаясь лишь на паузы, занимались профессиональной работой, говорили о тематике, разбирали написанные тексты на составные эпизоды, исследуя реплики, отмечая сюжетные просчеты и предлагая собственные варианты. Осознание того, что научить выбранной странной профессии невозможно, можно лишь помочь и подсказать, обратив внимание на проверенные временем особенности драматургического ремесла, пришло достаточно быстро. Крайне важным было изначальное доверие к рекомендациям мастера, которые можно было выполнить механически, из-под палки, ради оценки, оставаясь убежденным в собственной правоте, а можно, проанализировав, принять как свое и дальше двигаться уже по предложенному пути. Бывало по-разному, но в любом случае это здорово готовило к реальной жизни в отечественном кинематографе, когда приходилось проходить через гигантский частокор редакторского аппарата – объединения, киностудии, Госкино, где каждый кулик, оправдывая свое существование, считал себя обязанным настоять на «улучшении» и «совершенствовании».

Фамилия мастера, руководителя творческой мастерской, и после окончания института на многие годы оставалась частью твоих рекомендаций, и ответ на стандартный вопрос на студиях – «А вы у кого заканчивали?» – мог в равной степени сослужить как добрую, так и не слишком, службу. На тебя как бы переносилась частица заслуг и авторитета учителя или что, правда, было редким исключением, их отсутствие.

В этом смысле фамилия Иосифа Маневича всегда воспринималась весьма уважительно среди профессионалов, и то обстоятельство, что именно этот человек когда-то выбрал тебя из многих, возился с тобою несколько лет и дал возможность получить диплом кинодраматурга, ценилось высоко.

Кроме профессионализма, степени собственной отдачи ученикам, многие мэтры отличались и еще по одному критерию, осознание важности которого приходило лишь к концу учебы. Скажем, практически каждый из режиссерско-актерской мастерской Герасимова и Макаровой покидал институтские стены уже достаточно известным, обладающим реальным производственным опытом, профессионалом. Почти все ребята из этой мастерской в той или иной степени непременно задействовались в очередной работе мастера, выходящей потом на широкий экран. Если по каким-то причинам работы для ученика в самой группе Герасимова, работающего над очередным фильмом, не находилось, то он не считал зазорным порекомендовать его коллегам, а его рекомендация тогда стоила очень многого. Обласканный властью он мог в нашем кино почти все, и его слова часто становились решающими в судьбе молодого актера или режиссера. Причем поддерживал он, как правило, не только тех, кто, подобно ему самому, был готов стать абсолютным конформистом по отношению к существовавшей власти, но изредка и тех, чей талант явно выходил за рамки дозволенного.

Заведующая кафедрой кинодраматургии Кира Константиновна Парамонова вела аналогичную нашей сценарную мастерскую на один курс младше; меня аудитории, мы часто пересекались с ее ребятами в течение учебного дня. Среди них, кстати, ходил и Сережа Бодров, невысокий, скромный парень, ставший впоследствии автором многих хороших картин и папой талантливейшего сына.

Говорят, что именно ее образ увековечил Александр Галич в знаменитой песне «Красный треугольник» со строчками о «товарище Парамоновой», недалекой представительнице номенклатуры. Так или иначе, в жизни бывший редактор Госкино, ставшая доктором искусствоведения, была умнейшей женщиной, адекватно оценивающей окружающую обстановку. Еще одна ее ученица уже более поздних лет Рената Литвинова напишет: «Кира Константиновна Парамонова постоянно возвращала все мои работы исчерканными красными чернилами и, так что моего текста уже не было видно. Она говорила, что так просто нельзя писать, это были не орфографические, а стилистические, как она считала, ошибки. И тогда я брала эти листочки, и ка-а-аждую свою фразу ей проговаривала на слух и ее убеждала. Она говорила: «вот, когда вы сами это вслух читаете, вы меня убеждаете, что только так и должно быть». И снимала с меня и эту ошибку, и эту ошибку, и через три часа в конце концов исправляла «три» на «пять».».

Так вот, Парамонова как мастер всегда делала для своих учеников максимум возможного, активно рекомендуя их работы во все мыслимые сценарные коллегии и объединения, во многих из которых состояла сама. К ней прислушивались, и это помогло стартовать многим из ее учеников. Все это знали, и к ней за помощью иногда приходили даже выпускники из других мастерских.

К сожалению, к моменту окончания курса, который оказался для него последним, наш Иосиф Михайлович, безусловно, давший нам очень много за это время, не был готов тратить и без того уже не слишком крепкое здоровье на суету вокруг своих выпускников. Уходя из ВГИКа в большой, достаточно закрытый профессиональный мир, мы могли рассчитывать только на собственные способности и везение, помогающие обрести единомышленников, без которых самореализация в кинопроизводстве невозможна в принципе. А с другой стороны, кто, когда и кому обещал, что будет по-другому?

На выпускной наша Бригита Круминя принесла в аудиторию большую тарелку, накрытую непрозрачной белой салфеткой, из под которой красиво свисали муаровые ленточки. Каждая из них, как она объяснила, в соответствии с неким латышским обычаем была привязана к большому печенью, собственноручно испеченному ею в форме самых разных животных. Каждому из нас предстояло, потянув за выбранную ленту, вытянуть себе, если не судьбу, то, по крайней мере, направление существования. Счастливые ахи и наигранные вздохи сожаления сопровождали эту одну из наших последних совместных процедур – в

следующий раз мы – и то не в полном составе – встретились лишь через три года на похоронах Мастера. Я помню только, что Володя Лобанов вытащил тогда потрясающего благородного оленя с ветвистыми рогами, ему завидовали. Не помню, что досталось самой Бригите. Она сейчас – дипломированная сценаристка – один из редких в Латвии специалистов по культуре Японии. Я вытащил добротную, крупную свинью, положившую начало моей коллекции свиных фигурок из разных стран. Огорчился.

Так и живу.

Семидесятые, Москва и область, ст. Болшево

Он был высокий, в последние годы чуть склонный к полноте, почти всегда ходил в не застегнутом светлом плаще, полы которого от его быстрой походки расходились на лету. Пока народ у нашего подъезда собирался, рассматривая его личный черный «ЗИМ» и гадая о статусе его обладателя – иметь такой автомобиль в личном пользовании в то время могло лишь считанное число людей в стране – он шумно врвался к нам в квартиру на Профсоюзной и громко требовал обеда.

– Людмила, я со съемок, есть хочу.

Мама бросалась что-то быстро готовить на кухне, он хватал меня на руки и, высоко подняв, начинал кружить по комнате, едва не задевая моей головой люстру на потолке.

– Дядя Лень, отпустите. – молил я до тех пор, пока за меня не вступался отец. Только тогда я оказывался снова на ногах и должен был отвечать на сто вопросов об успехах за день.

Леонид Луков, народный артист, дважды Лауреат Сталинских премий, орденосец – как непременно указывали тогда в титрах – был, пожалуй, одним из лучших друзей отца, с которым они долгие годы шли по жизни рядом. Его картины – «Большая жизнь» (1-ая серия) и «Александр Пархоменко» были известны каждому, а знаменитые «Два бойца» с Андреевым и Бернесом, снятые в 1943 году на Ташкентской киностудии, стали, пожалуй, самой любимой лентой эпохи войны. Кстати, там в совсем маленьком эпизодике – на лестнице в бомбоубежище с одной репликой: «Садитесь, товарищ боец», обращенной к герою Бориса Андреева, снялась в кино моя мама. Волшебство кинематографа и сегодня хранит ее живой и молодой.

Отец дружил с Луковым во все периоды очень непростой жизни режиссера. Когда тот только начинал работу в кино, в дни феноменальной популярности, когда обласканный властью и лично вождем всех народов Луков, облепленный приятелями-лизолюбцами, мог решать любые их проблемы, будучи вхож в самые высокие кабинеты страны, куда он еще иногда прихватывал с собою для наглядности Бориса Андреева или Алейникова. И позже, когда после выпуска на экран второй серии «Большой жизни» Луков попал в глубокую опалу, вызванную специальным постановлением ЦК партии, осуждавшим его «порочную» ленту вместе с картиной Эйзенштейна «Иван Грозный»; многие в студийных коридорах старались прошмыгнуть мимо, не пожав ему руки. Это была настоящая мужская честная дружба, основанная на общих профессиональных интересах и духовной близости двух художников.

Леонид Давыдович умер, когда мне было тринадцать лет, и я не забуду осунувшееся лицо отца, собиравшегося на похороны своего лучшего друга. Точно такое же поразившее меня выражение я видел у него в свои четыре года через иллюминатор маленького Ил-14, приземлившегося на поросшую травой полосу московского аэропорта, когда мы с мамой срочно прилетели с моря, вызванные телеграммой о внезапной смерти родного папиного брата, моего дяди.

Еще одним человеком из моей юности, оставшимся в памяти навсегда, был другой приятель отца кинооператор-постановщик Александр Ильич Гинцбург, кстати, снимавший тех же самых «Двух бойцов» и множество других известных картин. Он, к счастью, прожил значительно дольше Леонида Давыдовича и, кроме частых встреч, мне он запомнился одним комичным случаем, в чем-то послужившим мне примером на будущее в бытность существования всех нас в советскую эпоху тотального дефицита.

В брежневские времена, о которых до сих пор находятся любители поностальгировать, слово «купить» было практически вытеснено из лексикона людей. Непереводимый на иностранные языки в этом своем значении глагол «достать» выросал подчас до смысла существования. В советских магазинах практически не было ничего за очень редким исклю-

чением, что можно было бы свободно купить за рубли. Кроме всевозможных спецраспределителей, которые были доступны лишь очень узкому кругу лиц, не купить, а только достать можно было хорошее лекарство, достойную книгу, сырокопченую колбасу, мебель, автомобиль, ковер, подписку на журналы, видеомэгнитофон, путевку. Постепенно появлялись нарабатанные связи, основанные на взаимовыгодном принципе оказания услуг, и в Доме Кино лучшие места на всех премьерах в полном осознании своего достоинства годами занимали автослесари с подругами, парикмахерши, заведующие рыбными отделами гастрономов и другие очень уважаемые люди, без знакомств с которыми повседневная жизнь оказывалась совсем уж беспросветной. Людей было много, а хороших товаров и полноценных услуг совсем мало и поэтому ситуация, когда известный актер или писатель накануне своего дня рождения, лихорадочно листая записную книжку, вынужден был заискивать перед «завскладом», казалась естественной и вечной. Подвиг проклинаемого некоторыми нашими недалекими соотечественниками великого Гайдара, за пару дней сумевшего экономическими методами начать реформирование социальной лестницы страны, расставляя всех по общечеловеческим меркам заслуг перед обществом, увы, и в этой ипостаси до сих пор не осознан еще большинством отечественных «совков».

Вечный дефицит требовал воспитания в себе совершенно особенных способностей по его добыванию. Вариантов было много, и один из них мне однажды продемонстрировал Александр Ильич.

Как-то я попросил отца помочь мне реализовать пришедшую в голову идею о первой поездке за границу, кажется, в Венгрию. Очень занятый на съемках, он переадресовал мою просьбу своему приятелю Гинцбургу, как раз располагавшему тогда свободным временем. Александр Ильич охотно согласился помочь сыну товарища и взялся за дело с присущим ему энтузиазмом ко всему, что требовало нестандартных решений.

Наилучшим вариантом поездки для молодежи за рубеж тогда теоретически могла быть путевка Бюро международного молодежного туризма «Спутник», всесоюзной организации, существовавшей под покровительством комсомола. Стоили путевки тогда на порядок меньше интуристовских, распределялись строжайшим образом для поощрения ударников труда и комсомольских активистов и слыли жутким дефицитом. Естественно, назначаемые ЦК комсомола главные функционеры Центрального Бюро, обладая такими возможностями, были абсолютно недоступны для простых молодых людей и существовали в полной уверенности, что жизнь удалась.

Небольшой, ныне уже не существующий особнячок Бюро находился в нише перед выездом из центра на Большой Каменный мост, прямо напротив Боровицких ворот. Гинцбург, отдуваясь, поднялся вместе со мной на второй этаж, и мы вошли в роскошно обставленную приемную с видом на Кремль, где стены были украшены плакатами с ликующими африканцами и азиатами, которым повезло в жизни приветствовать советских молодых людей с комсомольскими значками.

– Здравствуйте. – громко произнес Гинцбург и ткнул мне пальцем в один из мягких стульев у стены. – Сиди здесь.

Одна из секретарш, сидевшая ближе к обитой мягкой кожей двери с резной табличкой «председатель», сочла возможным оторвать голову от бумаг.

– Вам что, товарищи? У нас нет приема. Обращайтесь, пожалуйста, в вашу первичную организацию... на производстве у себя...

Гинцбург, не удостоив ее взглядом, мельком посмотрел на обе двери, находящиеся в разных концах большой приемной, очевидно, взвешивая солидность обитающего за каждой хозяина кабинета и, приняв решение, направился именно к двери с табличкой. То, что он вычислил главного вовсе не по надписи, было очевидным.

– Стойте, туда нельзя. – испуганная секретарша приподнялась: – Товарищ, что вы делаете?.. Остановитесь немедленно...

Гинцбург обернулся. Казалось, вся его дородная фигура выражает неслыханное изумление по поводу того, что его все еще не узнали. Хорошо поставленным голосом он громко, как на актерских пробах, произнес только одну фразу:

– Я – заслуженный деятель искусств БССР и РСФСР, кинооператор Александр Гинцбург.

Это прозвучало так, что сомнений в том, что все присутствующие стали свидетелями главного события своей жизни – второго пришествия – уже не оставалось. Особенно убедительно выглядела гордая буква «Б» в первой части титула.

– Но. там... там совещание. – забормотала секретарша уже вслед закрывавшейся за Александром Ильичем двери.

Минут через пять меня пригласили в кабинет, и, остановив действительно идущее совещание, начали подробно расспрашивать об удобной мне дате поездки и пожеланиях по маршруту.

Александр Ильич в дальнейшей беседе участия уже не принимал. Сидя в мягком кресле и отхлебывая из хрустального стаканчика холодный «Боржом», он лишь изредка наклонял голову, как бы давая понять молодому функционеру, что тот в целом на правильном пути...

...Несколько десятилетий в нашем кино существовало слово, при котором у разных поколений кинематографистов теплели глаза и наплывали дорогие сердцу воспоминания. Мое, очевидно, стало одним из последних. Построенный еще до войны в стиле сталинского классицизма и потом реконструированный Дом творчества кинематографистов «Болшево» на протяжении нескольких десятков лет был для многих киношников уютным прибежищем и местом реализации замыслов. Не будет преувеличением сказать, что подавляющее большинство сюжетов, сценариев, режиссерских разработок отечественного кино рождалось именно тут, в скромно обставленных комнатах, на аллеях небольшого неухоженного парка, уступами спускающегося к поросшим кустарником берегам грязноватой Клязьмы. Существовали два круга для прогулок «большой гипертонический» и «малый гипертонический». От Москвы можно было доехать сюда минут за сорок на электричке, за столько же на машине, если не попасть в пробку на существовавшем тогда железнодорожном переезде, и это был оптимальный вариант вырваться за пределы душного города со всеми его ежедневными заботами и спокойно заняться своим профессиональным делом. Избавляясь от бытовых хлопот, сценаристы приезжали сюда работать над сценариями, режиссеры готовиться к запуску очередной ленты. Получить путевку чле ну СК на длительный срок сюда было непросто, зато начиная с пятницы творилось тут столпотворение – приезжали на выходные, кто на своих «Москвичах» и «Волгах», кто на студийных рафиках, с семьями, с детьми, собачками, а те, кто спокойно относился к сплетням, – и с новыми подругами. За некоторыми маститыми кинематографистами были даже неофициально закреплены небольшие деревянные домики, расположенные рядом с главным корпусом. Пожалуй, невозможно назвать более или менее известную кинематографическую фамилию из тех, кто хотя бы раз не появлялся тут. Здесь сочиняли свои сценарии Ежов, Черных, Дунский и Фрид, Габрилович, Шпаликов, Трунин, Володарский, Гребнев, работали режиссеры Кончаловский, Юткевич, А. Смирнов, Хейфиц, Анненский, Шукшин. Чтобы перечислить всех, надо просто скопировать весь справочник нашего Союза – не ошибешься. На базе Дома творчества проводились разнообразные встречи и семинары, например, главных редакторов киностудий СССР, молодых кинематографистов. Хорошее, «намоленное» было место.

В период очередных семейных разборок Дом творчества часто становился убежищем от семейных неурядиц, позволяя в более или менее приличных условиях и не за дорого пере-

жить столь частые в среде киношников домашние неурядицы и даже разводы. Поскольку никаких мобильных телефонов не существовало, чтобы позвонить в Москву, надо было выстоять очередь в кабинку на первом этаже, где стоял единственный на весь Дом телефон с выходом в город, и потом долго накручивать диск старого аппарата, чтобы через поселковый коммутатор соединиться наконец с шестой попытки с нужным столичным абонентом. На прищипленных прямо к стенке бумажках, а то и на самом обшарпанном столике, на котором стоял телефон, записывались нужные номера. Слышно было всегда плохо и приходилось кричать так, что даже через закрытую дверь кабины проходящие по коридору в столовую волей-неволей становились свидетелями не предназначавшихся для чужих ушей событий. Легко можно было узнать у кого и как идут дела.

У входа в столовую, где работавшие тут по много лет немолодые официантки, давно и хорошо изучившие характеры и вкусы большинства постоянных гостей, стоически терпеливо старались повкуснее накормить гостей в обед, вывешивалось объявление с названием фильма, который показывали вечером в маленьком подвальном кинозальчике Дома. Надо сказать, что картины были либо из числа отечественных премьерных, либо западные из спецхрана Госфильмофонда. Тогда в зал пускали только отдыхающих членов Союза, отказывая даже специально приехавшим на просмотр из Москвы, но мест все равно не хватало.

Много лет бывая тут поначалу, главным образом у отца, а потом и по своим делам, я вживался в общую атмосферу кинообщества, где каждый был уверен в том, что знает цену каждому. Часто набор громких почетных званий и госрегалий не компенсировал ироничное отношение к заслугам того или иного коллеги, поскольку все были в курсе за что и каким образом получены те или иные награды. Правда, истинное отношение к человеку, руку которого только что с умело изображаемым уважением пожимал, высказывалось, как правило, за закрытой дверью своего номера, в компании родственников или уж совсем близких друзей. Считалось, что помочь в советском кинематографе может далеко не каждый, а вот навредить – почти любой.

Но было тут много людей, живших как бы вне этого мира интриг и подсиживания – одни, потому что давно уже были выше той планки, при которой повредить их работе мог отрицательный отзыв кого-либо, кроме члена Политбюро ЦК КПСС, другие – наоборот, потому что жили своим творчеством и сиюминутные соображения попросту оставались за пределами их внимания. Надо сказать, когда окружающие осознавали, что подобная позиция – это не выбранная роль, а совершенно искреннее мироощущение коллеги, то большинство проникалось к нему искренней симпатией – или, напротив, открыто демонстрируемым неприятием.

Работая над очередной картиной, Василий Макарович Шукшин редко выходил из своей комнаты. Выбираясь все же к обеду, он шел по коридору первого этажа Дома творчества, обязательно глядя куда-то себе под ноги, стараясь как бы вжаться в слабоосвещенное пространство, словно опасаясь встретить очередного знакомого, на пустой разговор с которым надо будет отвлечься и потратить время. Наверное, оставалось еще и что-то от комплекса сельчанина, оказавшегося среди горожан. Всегда скромно, если не сказать – бедновато одетый, в ношенном пиджачке и трикотажной рубашке с тремя пуговицами под воротником, он мало походил на большого писателя и замечательного актера – скорее, на местного ремонтника, только что закончившего работу в одном из номеров. Для полноты ощущения не хватало только фибрового чемоданчика для инструментов с оббитыми углами. Киношники за его спиной толкали приехавших на выходные жен или взрослых детей – «Шукшин...», и те, замерев, вглядывались в спину уходящего человека, книгами которого как раз зачитывались тогда в Москве...

Когда начинало темнеть, на небольшой открытой веранде, где полукругом были расставлены столы и стулья, постепенно начинала собираться публика, закончившая в основном

сегодняшний трудовой творческий день. Кто-то приносил шахматы, кто-то просто обсуждал производственные дела на студии с приехавшими позднее. Женщины, взявшись под ручку, прогуливались вокруг дома по неровным тропинкам, сплетничая. Некоторые захватывали с собой чай в мельхиоровых подстаканниках из столовой, что запрещалось, и, достав привезенные родственниками сдобы и пирожки, приглашали коллег угощаться. Устоявшие за многие годы компании готовились расписать пульку, расчерчивая мятый лист из дефицитной пачки, приготовленной под сценарий писчей бумаги.

Невысокая, склонная к полноте женщина вывозила на веранду через двойной порожек – ей бросались помогать – кресло-каталку с больным мужем. Это Эдит Утесова, дочь Леонида Осиповича, выходила на вечернюю прогулку со своим мужем – режиссером и сценаристом документального кино Альбертом Гендельштейном, уже тогда тяжелобольным. Потом, всегда в сопровождении людей, появлялся и сам Леонид Осипович, устраивался за боковым столиком возле балюстрады, который специально старались не занимать. Разговоры на веранде сразу стихали, оставшиеся свободными стулья мгновенно оказывались расхвачанными, и те, кто в виду отсутствия личного знакомства не мог себе позволить сидеть за столом, устраивались полукругом неподалеку.

Продолжая начатый еще по дороге на веранду разговор с кем-то из приятелей, Утесов начинал негромко говорить, и публика, затаив дыхание, старалась уловить каждое слово, произнесенное знакомым всем голосом. Уже через минуту территория Дома творчества содрогалась от первого взрыва хохота, люди торопились с прогулки на веранду, на ходу выпрашивая опередивших: «Что... что он сказал?».

– Ну вот. кто-то ему позвонил и спрашивает: «Как живешь?» – «Очень хорошо», – отвечает этот. Так звонивший говорит: «Простите, я не туда попал...» – и вешает трубку...

Говорит Утесов негромко, медленно, не просто рассказывает, а проигрывает всю историю.

«Еду давно уже в Одессе в трамвае. Контролер девушку, что рядом стоит, просит билет показать, она в слезы – выясняется, кошелек украли... Я спрашиваю – а сколько у вас там было? Двадцать копеек, говорит. Я ей дал двугривенный, она билет купила, едем дальше... На остановке мне уже выходить, она так вежливо до плеча дотрагивается: послушайте, а может, вы мне и кошелек отдадите?».

Импровизация Леонида Осиповича на тему «Я и мир» продолжалась. И через каждые пару минут ближний круг слушателей взрывался хохотом, затем, получив уточнения того, что недослышали, начинали смеяться и все остальные.

«Собрались грузин, армянин, украинец и еврей. Человек произошел от обезьяны. Хорошо! Но какая это была последняя обезьяна, после чего появился человек?»

Грузин: «Шимпанзе!» Армянин: «Павиян!» Украинец: «Горилло!» «Не будем спорить, – сказал еврей. – Абрам-гутан!».

После взрыва хохота – дальше...

«Мужичок спрашивает апостола Петра:

– Можно видеть Божью мать?

– Проходи направо...

Зашел. Сидит старая еврейка в очках и вяжет.

– Мать Божья, скажи, как это ты родила от непорочного зачатия Сына Божьего?

– Откровенно говоря, мы хотели девочку!»

Конечно, для меня, по существу еще мальчишки, приезжавшего сюда изредка, главным образом в гости к отцу, многое из жизни Болшево оставалось за кадром. Выпускник предыдущей мастерской Маневича Эдик Тополь, который прожил тут многие годы, и позднее эмигрировав в Америку, сделал головокружительную литературную карьеру на антисоветских романах, рассказывал уже в наши дни:

«Был такой период, когда Юткевич, например, делал фильм «Ленин в Париже». Юлий Яковлевич Райзман делал фильм «Твой современник», а до этого он делал фильм «Коммунист». Кто-то еще делал, я не знаю, там Озеров делал «Покорение Европы», кто-то еще писал что-то такое очень партийно-направленное. Но если вечером, после одиннадцати, когда все затихало, пройти по коридору Дома творчества «Болшево» на цыпочках, то можно было услышать, как из под каждой двери доносился «Голос Америки», «Немецкая волна», «Би-би-си», «Голос Ватикана» – все вражеские голоса. Все слушали по вечерам вражеские голоса, а утром клепали советское кино.

И существовал еще в Болшево, как раз был открыт, закон Паши Финна. Закон гласил: всегда количество людей плюс две бутылки. Если это двенадцать человек, то этих четырнадцать, если это пять человек – семь, если это три человека – пять бутылок как раз. Это тогда называлось закон Паши Финна. Павел, не знаю как его отчество, честно говоря, очень худенький, даже весил меньше меня, но по возможностям своим превосходил всех, и принял этот закон. А мы этим законом злоупотребляли. Честно скажу, в Болшево по вечерам делать было особенно нечего. Здесь был бильярд, конечно, было кино, но были и всякого рода поводы, каждый раз находились, поскольку кто получил гонорары, у этого приняли картину или, наоборот, у этого не приняли картину, тогда тоже надо выпить, потому что фильм зарезали, дали поправки и так далее... Мы считали, за нами не так наблюдают старшие товарищи, но однажды, например, ко мне подошел Юлий Райзман и сказал: «Эдуард, это уже слишком. Ей пятнадцать лет». «Ну что вы. Ей уже восемнадцать». И Райзман пожал плечами и сказал: «Ну не может быть». Повернулся и ушел».

Многие вспоминают как вечерами в какой-нибудь одной комнатухе, куда набивалось человек по двадцать, слушали Галича, тоже члена Союза кинематографистов. На эти импровизированные концерты приходили какие-то незнакомые люди, все начинали бояться: свои ли это люди, могут ли они слушать Галича. По утрам он писал сценарий «Государственной границы» о чекистах, а по вечерам пел песни о тупости советского режима.

Годы шли, и Дом постепенно ветшал. На майские праздники 1977 года из Болшево мне дозвонился отец. Он только что закончил там режиссерский сценарий многосерийного телефильма «И снова Анискин» по глуповатой книжице популярного некоторое время литератора Липатова о деревенском «детективе» и должен был запускаться с картиной в подготовительный период, начал уже формировать съемочную группу. Разумеется, он прекрасно отдавал себе отчет в «ценности» такого литературного материала, но то, что он хотел ставить из классики, ему не давали, и опять надо было выживать...

– Приезжай, – попросил он, – пообедаешь тут со мною, погуляем. Вечером что-то обещают в кинозале...

Мой «Запорожец», похоже, обремененный собственным именем, по непонятным причинам в последние дни опять отказывался заводиться, а тащиться на автобусе, метро и электричке за город очень не хотелось. Я отказался.

– Увидимся же еще на неделе...

Через пару часов отец перезвонил еще раз.

– Слушай, ну давай приезжай сегодня... очень хочу тебя видеть, поговорим... Если не приедешь – жалеть ведь потом будешь. – сказал он.

И сегодня спустя почти три с половиной десятка лет я не перестаю думать о том, могло ли что либо измениться, если бы я согласился. Ну что стоило мне, молодому и здоровому, оторвать задницу от мягкого кресла и дойти до остановки автобуса, хорошо видной с нашего тринадцатого этажа. Я отлично осознаю, что ответа на этот вопрос не существует – во всяком случае, мне никогда не будет дано его знать – и все равно проклиная себя. Много лет спустя я рассказал об этом своему сыну.

Лень оказалась сильнее. Я не поехал.

Часа через три в нашей квартире на Ленинском проспекте вновь раздался телефонный звонок. Не помню уже кто, кажется, женский голос, сказал, что звонят мне из Болшево от Исидора Марковича, и я должен немедленно туда приехать...

... Я прошел по пустому коридору первого этажа Болшево, толкнул дверь комнаты. Отец лежал на диване, головой к выходу, лицо было спокойным, рот чуть приоткрыт, глаза закрыты... В коридоре начинали собираться люди. через час пришла медицинская машина из местной больницы...

...В последующие лет пятнадцать я заставил себя приехать в Болшево только один раз на двадцать минут – в силу крайней профессиональной необходимости... Встреча та оказалась абсолютно бессмысленной.

С годами Дом творчества понемногу приходил в негодность, денег на ремонт уже не было. Контингент отдыхающих резко изменился, путевки начали продавать на сторону, начиналась новая эпоха, и большинству кинематографистов стало не до подмосковного Дома творчества. В конце концов Союз кинематографистов продал кому-то Дом отдыха в Красной Пахре с обязательством покупателей реконструировать Болшево и даже надстроить там третий этаж. Надо ли говорить, что едва начавшись, стройка тут же и закончилась – деньги бесследно исчезли. С 1994 года Болшево как такового не существует. Говорят, что идут какие-то вяло текущие судебные процессы по поводу земельного участка. Разумеется, надеяться, что жуликоватые управленцы, оказавшиеся сейчас у власти в СК, реанимируют старый Дом творчества, где рождалось отечественное кино, не приходится, у них теперь совсем иные заботы. Болшево больше нет.

Надо было решать вопрос с захоронением. Дело к тому же осложняли майские праздники. До тех пор, пока в социалистической столице не сталкиваешься с той или иной проблемой, невозможно даже себе представить все сложности ее решения. В начавшейся необходимые хлопоты администрации отцовской киногруппы быстро осознали, что в нужные сроки проблему с подходящим кладбищем не решить. Опытный замдиректора сказал мне: «Съезди ты сам, Саня, к Михал Иванычу, он сейчас депутат Моссовета, он все расставит...».

Народный артист СССР, семидесятивосьмилетний Михаил Жаров, уже в который раз в жизни вновь должен был работать с отцом, исполняя главную роль участкового Анискина в новом сериале, и даже хотел принять символическое участие в постановке. Я позвонил ему, он чувствовал себя плохо, но сказал сразу – давай приезжай.

Утром поехал на Котельническую набережную. Грандиозный высотный дом над рекой – одна из знаменитых семи московских «сталинских» высоток, в котором в свое время получали квартиры как награды многие выдающиеся деятели искусства, актеры, писатели, выглядел тогда торжественно и строго – громадный, отделанный мрамором холл, пальмы в кадках. Выйдя из лифта, я позвонил. Дверь мне открыл кто-то из домашних, и Жаров сам, кутаясь в старый халат с шарфом на горле, вышел в узкий коридор большой квартиры.

– Пойдем. – он поманил меня в какую-то маленькую комнатку, заваленную книгами, плотно закрыл за нами дверь, показал на шаткий стул. Дышал он тяжело – то ли от сильной ангины, то ли уже просто в силу возраста. В комнатке было темновато и пахло лекарствами.

Я начал было объяснять, но Жаров быстро махнул рукой.

– Я знаю... несчастье... Сиди... и скажи мне толком – что точно надо...

Он достал откуда-то с полки потрепанные записные книжки с выпадающими страницами, начал их листать. Наконец, отыскав в перечеркнутых листках нужный номер, подвинул к себе старенький телефонный аппарат.

– Это Жаров говорит... да, спасибо... Есть Владимир Федорович? В ЦК?... А первый зам?... Ну, соедините с ним.... погоди – как его отчество напomini... Да, сейчас, сейчас... Здравствуйте, это Жаров...

Он прижал трубку ладонью и начал что-то говорить.

– Нет уж, это пусть как семья хочет... И почетное звание тоже есть... да. Конечно. сессия?.. Я помню. Нет, я не уезжаю... Вам тоже. До свидания...

– Завтра с утра зайдешь к этому говну собачьему... им заявление от родственников надо, – задыхаясь, он протянул мне нацарапанную на бумажном обрывке фамилию первого заместителя председателя Моссовета. – Вот, он все сделает... Скоро уже и я, видишь... – он закашлялся. – Позвонишь тогда?..

Заслуженного деятеля искусств России Исидора Анненского похоронили в земле только начинавшего тогда функционировать филиала Новодевичьего кладбища в Троекурово, это была первая урна в его истории.

Сам Михаил Иванович, не без труда добившись назначения себя режиссером-сопостановщиком при каком-то приглашенном профессионале, успел отсняться в той ленте про деревенского милиционера и ушел из жизни четыре года спустя. Каким-то образом, – говорила дочь, – врачи ухитрились пропустить банальный аппендицит. И Жаров умер от перитонита. Он не любил, когда его навещали в больнице. Даже жену в последний свой день заставил уйти из палаты: зачем на меня такого смотреть? На его рабочем столе осталась записка: «Ничего не трогать, скоро приду».

...В хорошо известном доме на Старой площади, где размещался Центральный Комитет КПСС, решили, что миру пора не только побольше слышать и читать о государстве победившего социализма, но и видеть воочию наши достижения. Кому-то удалось доказать «мудрецам» из Политбюро, что телевидение само по себе штука куда более убедительная, чем радиопередача или даже статья с фотографией. Было принято решение в крупнейшем информационном агентстве страны, формально «общественном» по своему статусу – АПН, на базе маленького отдела создать Главную редакцию телеинформации, которая содействовала бы приезжающим иностранным журналистам в организации съемок по всей территории Союза. Назначили начальника из своих – работавшего в ЦК молодого энергичного Анатолия Васильевича Богомолова. Этому неплохо образованному умному аппаратчику предстояло потом еще долго работать в области идеологии, побывать на руководящих постах на центральном радио и телевидении, быть главным редактором сценарной коллегии Госкино. Сейчас, полусев и слегка погрузнев, он завершает трудовой путь на тихой должности секретаря Союза журналистов.

Штат редакции формировали по принципу Ноя – каждой твари должно было оказаться по паре. Проверенную Библией пропорцию соблудности почти удалось, и число отставных сотрудников КГБ, ГРУ и еще каких-то других спецслужб, как выяснилось впоследствии, приблизительно соответствовало в редакции числу профессиональных журналистов. Отмучившись перед отставкой пару лет на хозяйстве в отделениях Союза обществ дружбы или в торгпредстве в какой-нибудь из африканских столиц и уволенные за отсутствие мозговых извилин и дурное знание местного наречия, косноязычные бодрячки-подполковники уютно расселись на хорошо оплачиваемые руководящие должности. Но если их недавнее прошлое несложно было вычислить по единственному дежурному галстуку на несвежей рубашке, то о подробностях биографии других, более молодых, догадывались не все и не сразу.

Конечно, нужны были и профессионалы, знающие как делается телекинопродукт. Пришли люди с Центрального Телевидения, производственный отдел возглавил хамоватый, но знающий дядька со звучной фамилией Дуб. Пока не размножили стандартные бланки заявок на съемки, дискуссия о том, как правильно следует адресовать ему бумаги, ежедневно доставляла несколько веселых минут редакторам, обсуждавшим все возможные варианты склонения его фамилии.

Редакция делилась на отделы по языковому принципу – редакторы, знающие английский, работали с аккредитованными в Москве и приезжающими на события американцами,

канадцами, англичанами и всякими иными «западниками», способными к контактам на этом языке. Большой отдел соцстран выполнял заявки коллег из «лагеря социализма», причем были в редакции люди, в силу своей биографии свободно владевшие польским, болгарским, румынским, сербским и другими не слишком распространенными языками.

Меня же взяли в сценарный отдел, который должен был принимать и утверждать литературные сценарии и сценарные планы для всех подразделений ГРТИ. Сама по себе работа была достаточно интересная и не слишком напряженная. Иногда даже выпадала пара забавных минут – помню, как мы на очередном обсуждении долго потешались над строчкой из одного опуса, гласившей: «а потом он пригласил нас домой, чтобы продемонстрировать свой хобби...». Собственно говоря, называть документ, на основе которого выезжала на съемки съемочная группа ГРТИ, полноценным литературным сценарием документального фильма было бы преувеличением. Это вполне объяснялось специфической технологией производства. ГРТИ получала обращение того или иного аккредитованного в Москве корреспондента с просьбой о содействии в организации съемок по той или иной тематике. Если сама идея, ориентировочный список объектов и кандидатуры героев, по мнению редакции, не содержали особой крамолы, которая могла бы скомпрометировать первое в мире государство победившего социализма (то есть предметом съемки не должны были стать уличные проститутки, бомжи, пустые полки в магазинах и т. п.), то соответствующий редактор или приглашенный им автор пытался изложить это в виде сочинения, приближающегося к некоему литературному образцу. Затем, после наших замечаний и поправок, текст уже под названием сценария уходил на согласование в существующие по всей стране Бюро АПН и соответствующий ЦК Республики или Обком КПСС, которым предстояло согласовать объекты и график съемок с местными спецслужбами. Разумеется, никто из иностранцев не стал бы обращаться к нам с заявками на выделение кинооператора и согласование съемок, имея они хоть какую-то возможность отснять все самостоятельно. Поскольку такого права они были изначально практически лишены, то, чтобы иметь необходимую картинку, были вынуждены прибегать к услугам нашей конторы, часто надеясь отыгаться в своем комментарии к отснятому материалу. Но для того-то и ехал на съемку владеющий языком наш редактор, чтобы перекрыть любой шанс опорочить наше замечательное государство... Как-то работавший с американцами выпускник института военных переводчиков молодой редактор Петя Силантьев получил даже благодарность за то, что при отправке чудесным образом затерялся оригинал фонограммы с адекватным комментарием американца, и до Штатов добралось лишь вполне нейтральное изображение. Между прочим, через несколько лет лояльность Пети Родине была вознаграждена должностью заведующего Бюро агентства в Вашингтоне.

В связи с возрастающим интересом в мире к жизни достаточно закрытого СССР все большее число иностранных журналистов и мировых телекомпаний хотели иметь эксклюзивные кадры из этой страны, отснятые исключительно для них. Тем более что кинооператоры, работавшие в редакции, оказались вполне способными соответствовать западным телестандартам. Например, ставший фактически их лидером, как на протокольных съемках, так и при создании документальных фильмов, наш Боря Киладзе позднее, когда ГРТИ уже перестала существовать, оставался в кремлевском журналистском пуле еще лет пятнадцать.

Коллектив редакции постоянно рос, и вскоре маленький особнячок без вывески в самом центре Москвы на улице с ласкающим русское ухо названием Сивцев Вражек 25 стал действительно уже маловат. В подвальном этаже хранилась фирменная кино- и осветительная аппаратура на сотни тысяч долларов, а наверху помещались кабинеты начальства и собственно редакционные комнаты, в которых уже не хватало столов и телефонов. Редакции передали еще целое крыло на первом этаже жилого дома на Кутузовском проспекте рядом с метро, сейчас там головное отделение одного из банков. Огромные стеклянные окна, закрытые шторами, выходили частично прямо на проспект, а вход в редакцию, опять-таки лишен-

ный какой-либо вывески, был сбоку. Сразу стало посвободнее, и наш сценарный отдел получил свою комнату с видом на спешащих по Кутузовскому прохожих.

Сложилось так, что в то время в ГРТИ приходили работать люди во многом неординарные. Например, в качестве директора киногруппы у нас появился «гимназист Валера» – Миша Метелкин, знакомый всей стране по роли в сверхпопулярной картине «Неуловимые мстители». Дальше актерская карьера у него как-то не заладилась, и после окончания экономического факультета ВГИКа он пришел к нам в редакцию. Работавшие с ним были довольны, поскольку ему удавалось преодолевать многие бюрократические препоны, просто, что называется, «торгуя лицом», – его узнавали и отказать уже не могли. В ГРТИ я познакомился с Женей Латием, тоже выпускником экономического факультета ВГИКа, ставшим, с некоторым перерывом, моим другом на несколько десятков лет вперед. Женька, у которого румынский язык был родным, неплохо говорил и на родственном французском, благодаря этому он работал некоторое время с собкором немецкого телевидения Вольфом, аккредитованным в Москве и тоже владевшим этим языком. Впрочем, тот скоро уехал, и Латию пришлось переключиться на контакты с братьями-румынами.

Помещение на Кутузовском представляло из себя несколько огромных смежных залов, проходя которые из конца в конец можно было приобщиться к делам и заботам каждого отдела. Однажды я стал свидетелем, как интеллигентная Эмма Милевская, руководительница польского отдела, едва сдерживаясь, отчитывала недавно пришедшего к нам на должность старшего редактора – блондина со стоячей шевелюрой.

Судя по тому, что сдержанная Милевская явно нервничала, сорванное задание было не первым, и первопричиной служило очевидное нежелание новичка включаться в скучноватую редакционной текучку, тем не менее требовавшую постоянной обязательности и собранности. Тот, соглашаясь с фактами, как-то равнодушно кивал головой и лишь иногда вяло пытался что-то возразить.

– Что натворил?.. – спросил я его, когда позднее в тот день мы столкнулись в холле у выхода. – Эмму завести... это надо постараться.

– Да ерунда. – он только махнул рукой. – Ну забыл. так, что теперь... мораль публично читать...

Кто мог в редакции предположить, что этот спокойный мужик, которому уже тогда было за тридцать, закончивший журфак МГУ, через несколько лет станет известен всему СССР. Его портреты с благородной сединой люди будут хранить как иконы, исцеляющие от всех сглазов и недугов. Как он объяснял впоследствии, собирая материалы в качестве журналиста о действующих шарлатанах и доморощенных целителях, он неожиданно почувствовал в самом себе «некую силу, насыщенность аномальной энергией». Заряженной им по телевидению водой сотни людей всерьез лечили мыслимые и немыслимые болячки, а его выступления собирали в залах по всей стране тысячи жаждающих. И сегодня еще имя здравствующего нашего тогдашнего коллеги – Алана Чумака – вызывает у людей множество полярных эмоций.

В болгарскую редакцию пришел щеголеватый паренек с модными усиками и хорошим болгарским языком. Рассказал, что журналист, был женат на болгарке, жил в Софии, теперь развелся и вернулся в Союз. По существующему тогда положению, человек, выезжавший на ПМЖ в другую страну – даже в такую «братскую» как Болгария, не мог оставаться членом КПСС или комсомола, о чем быстренько напомнили нашему комсоргу. У Сергея каким-то образом оставался на руках билет члена ВЛКСМ, и нас обязали проголосовать за его исключение задним числом. Билет он сдал. Мы искренне ему сочувствовали – человеку с таким пятном в биографии в любом советском государственном учреждении, а уж тем более – в такой идеологической организации как АПН, что называется, «ловить» дальше было уже

нечего. Мало того, что он на долгие годы становился не выездным, но и внутри своей конторы рассчитывать даже на минимальное повышение ему не приходилось.

Наивные мы были люди... Пройдет не так уж много времени и вежливый малоразговорчивый Сережа Грызунов с неизменными поседевшими усиками станет министром. Перед этим побывав в роли руководителя Бюро АПН на Балканах в нелегкие годы тамошних международных конфликтов, поработав в ряде изданий, он возглавил на некоторое время Госкомитет по делам печати страны. Феноменальный карьерный рост, для объяснения которого наш общий приятель Женя Латий любит использовать вполне адекватный жест, постукивая двумя пальцами по плечу: воображаемые звезды на предполагаемых погонах. Бог его знает какого точно ведомства были погоны Сергея, но, судя по всему, не самого последнего...

Жизнь в редакции продолжалась. К какому-то юбилею мне поручили написать сценарий документального телевизионного фильма об успехах страны – ГРТИ доросло уже до производства собственной продукции. На основе имевшейся архивной хроники мы с Латием – его назначили редактором – достаточно быстро смонтировали динамичную историю про достижения и успехи, называлась эта бодяга «Мы строим». АПН мгновенно разслало копии по всему миру. Картина к юбилейной дате и к нашему удивлению прошла в телеэфире минимум двадцати стран. Я получил «Золотое перо» АПН с записью в трудовую книжку, Женька – устную похвалу начальства. Зам. главного редактора со славной фамилией Дуб не преминул напомнить, что скромный авторский гонорар за фильм, который бы мне очень пригодился, следует полностью и срочно пожертвовать в какой-то там фонд, что скрепя сердце и пришлось сделать. Выбора, естественно, не было.

Между тем успех собственной продукции подвигнул начальство задуматься над продолжением ее создания с последующим предложением фильмов иностранным телекомпаниям. Я придумал тему получасового документального телефильма, съемки которого были в принципе недоступны иностранным журналистам – о подготовке летчиков советских ВВС. Ее легко утвердили, и мы с режиссером Олегом Ураловым поехали в Волгоград в знаменитое Качинское высшее военное авиационное училище летчиков – собирать материал.

Поездка это осталась в памяти надолго. На окраине города, за высоким забором, перед которым на постаменте был укреплен взмывающий в небо настоящий «Миг», шла совсем другая жизнь, как мне казалось тогда, далекая от столичных рефлексий и подковерной возни. Люди, однозначно выбравшие цель собственной жизни, последовательно и зримо шли к ее осуществлению. Им было нужно небо, и их учили быть там хозяевами. Кстати, любопытно, что в неофициальном трепе за столом многие преподаватели, старшие офицеры, тогда говорили – в общем, мы все-таки здесь учим их летать, убивать их научат в частях. Хотя в аудиториях на стенах висели плакаты с описанием и точными характеристиками секретных натовских самолетов. «Наверняка в западных летных школах висят точно такие же наши, считающиеся суперсекретными? – любопытствовал я. – На хрена же тогда вся эта дикая секретность, попытка скрыть то, что потенциальный противник на самом деле давно знает?» В ответ только пожимали плечами – так было всегда и так, очевидно, будет...

Конечно же, меня интересовал не столько во многом закрытый процесс обучения по спецпредметам, который все равно никто бы не разрешил снимать, сколько сама повседневная атмосфера жизни училища, конкретные судьбы курсантов и преподавателей. Постепенно выстраивалась линия рассказа, мы съездили на два аэродрома, где проходили учебные полеты – сначала на чешских учебных самолетах, а затем уже и на МИГах-спарках (инструктор-курсант), были в семьях живущих в городке офицеров-преподавателей.

Жили мы с Олегом в гостинице «Интурист», бронированной для нас местным Бюро АПН, в приличном двухместном номере в самом центре Волгограда. Если выходя из отеля приходило в голову повернуть налево, то через пару сотен метров оказывался перед большим универмагом, построенным уже после войны. Говорили, что из подвала, существовавшего

именно тут, на этом месте, разрушенного здания выводят в старой хронике плененного маршала Паулюса. Вечерами мы покупали бутылку вина, трепались, смотрели небольшой телевизор. Обсуждали многое, Олег был на семь лет старше меня и то ли собирался жениться, то ли уже был женат на балерине. Кроме того, он в армии вполне сознательно вступил в КПСС, чем и гордился. Любил он с высоты своего возраста объяснить смысл жизни.

В большом номере с высоким потолком – гостиница строилась в самом конце пятидесятых – места было много, и каждый из нас устраивался в кресле перед телевизором, обсуждая прошедший день и намечая планы на предстоящий. Как-то разговорились о сохраняющемся с известных времен в стране тотальном наблюдении за иностранцами и необходимостью в связи с этим поменьше трепать языком.

– Чушь все это... – заметил Олег, с досадой комкая пустую сигаретную пачку. – Когда это было?.. Ну вот мы с тобою торчим тут в «Интуристе»... ну что, нас слушают, по-твоему, да? Да кому мы на фиг нужны!.. ну вот хочешь, поспорим... – он повернулся к решетке воздуховода, расположенной высоко под потолком. – Алло, ребята, если вы есть... у меня тут сигареты кончились, занесите нам в номер пару пачек, а?.. Да, я только «Космос» курю, не ошибитесь... Ну и что?... – он посмотрел на меня: – сейчас постучат в дверь, да?..

Прошло еще с полчаса и, конечно же, никто нам ничего не принес. Постебавшись еще над ленью местных спецслужб, мы допили вино и разошлись по постелям. Утром, позавтракав, торопясь на автобус, который должен был подвезти нас до военного городка, Олег и я на секунду задержались у стойки регистрации на первом этаже, где у администратора был маленький буфет, хранивший, кроме минералки и лимонада, еще разнообразные табачные изделия.

– Подожди, я иду... Мне две пачки сигарет, пожалуйста... – Олег, роясь в портмоне, отсчитывал мелочь. – Сейчас...

Пожилая администраторша, взглянув на бирку сдаваемого нами ключа, почему-то не стала открывать застекленный шкафчик, а наклонившись куда то-под стойку, достала и, глядя на Олега, положила перед ним одну за другой две пачки «Космоса».

– Рубль сорок, пожалуйста...

Мы ошарашено переглянулись. Я поднял глаза на выставленные для продажи сигареты – там было все что угодно, кроме «Космоса».

... Я написал тогда хороший сценарий, назывался он «Право на крылья» – видимо, слишком хороший для информационной редакции. На нем по справедливости стояла и фамилия Олега, но это вызвало эмоции у отставника, занимавшего должность редактора-консультанта и как бы курировавшего проект, – почему не он? Начались тупые придирки, происходящие от неспособности уловить разницу между привычным отчетом резидента о контактах и творческим произведением, призванным, кроме всего прочего, настроить режиссера, передать атмосферу и тон будущего киноповествования. К примеру, против строчки в сценарии «...от частых встреч с небом у летчиков с годами голубеют глаза...» на тексте на полном серьезе появилось замечание еще одного «специалиста»: «А если глаза карие, как у большинства латиноамериканцев?». То есть каждый намек на образное решение воспринимался дилетантами как нечто, подлежащее последующей буквальной реализации, и доказывать, что это лишь литературный киносценарий документального кино, было абсолютно бессмысленно.

Единственным выходом, как дали нам понять, было включение в соавторы этого самого малограмотного дяденьки. Но тогда выпадал режиссер. Ситуация складывалась так – либо на первую страницу вписывается этот тип по фамилии Егоров, либо вся работа идет в корзину, и Олег лишается возможности снимать. И хотя решение о замене его фамилии в качестве соавтора, чтобы спасти кино, мы принимали вместе, Уралов на меня, видимо, обиделся.

Сценарий сразу был утвержден, и группа поехала на съемки. Фильм стал для Олега во многом определяющим, его купили для телепоказа много стран.

Испаноязычный коллега, озаботившийся цветом глаз пилотов из моего сценария, всегда с энтузиазмом клеймивший на всех собраниях «капов», призывая к постоянной бдительности, по рождению был из ввезенных в СССР во времена войны с Франко испанских детей. После первой же разрешенной поездки домой по приглашению родственников, он, вернувшись в Москву, быстренько сдал партбилет коммуниста и стал сотрудничать с АПН уже в качестве представителя испанского агентства. Говорят – сам не видел – каждый раз он непременно въезжал во двор под окна особнячка на Сивцевом Вражке, чтобы все бывшие сослуживцы могли рассмотреть представительскую модель редкого в те годы в столице «Мерседеса». Возможность поменять принципы на «мерс» через определенное количество лет будут искать в стране многие.

Позднее, когда наша контора перестанет существовать, Олег Уралов перейдет на работу в ЦСДФ – Центральную студию документальных фильмов и вскоре станет там секретарем парткома (пригодится партбилет, армейский подарок...). Уже опираясь на это положение на студии, пробьет для себя полнометражную картину о Юрии Андропове, сняв ее с большим пиететом к главному КГБшнику страны. И тут же автоматом получит должность заместителя председателя Госкино, то есть заместителя министра. Я побывал потом как-то вечером по делам у него в кабинете в Малом Гнездиновском переулке... Стены были отделаны темным деревом, стояли глубокие, отполированные многими задницами кожаные кресла для посетителей. На столике под левой рукой – «вертушка» с гербом. На тяжелом дубовом столе были разложены бумаги, и Олег говорил тихо, как подобает начальству.

Я подумал тогда, что впоследствии во время служебных командировок он, наверное, никогда больше не пытался заказать сигареты в номер.

А замечательную, так запомнившуюся мне Качу, хранящую русские летные традиции с момента ее открытия Великим Князем в 1910 году и подготовившую для Отечества 342 Героя Советского Союза, 17 Героев Российской Федерации, 12 маршалов, 300 генералов и пять космонавтов, расформировали в одночасье решением правительства в 1998 году. Действительно, ну на хрена козе баян. Куда как важнее заниматься поиском национальной идеи...

...Говорят, что владелец «Нью-Йорк Таймс», как-то повесив телефонную трубку, вернулся за домашний обеденный стол:

– Звонил Президент Соединенных Штатов.

– И что ему от тебя надо?... – спросила мама.

Ценность самого факта владения информацией, возможность управления ею в разной степени осознавалась властями всегда. Десятилетиями существовал в СССР так называемый «белый ТАСС» – секретный вестник мировой информации, который распространялся исключительно среди элиты – тех, кому особо доверяли. Стопки отпечатанных на множительной технике листков делились не только тематически – по континентам, странам, проблематике, но и по цвету бумаги – каждый из ответственных чиновников получал тот вариант информации по событию, который был ему положен по занимаемой должности. От лишь чуть более подробных по сравнению с общедоступными газетными публикациями новостей до скрупулезного анализа реальных, подчас замалчиваемых фактов, о которых страна не должна была даже догадываться, причем с возможными прогнозами аналитиков предстоящих в связи с этим событий. Каждое утро вестники эти доставлялись в идеологические учреждения, редакции, агентства спецсвязью, фельдъегеря же и забирали стопки просмотренных листков на следующий день. По утверждению гендиректора ТАСС Игнатенко, он отменил эту практику лишь в августе 1991 года – если согласиться, что именно в этот момент он мог что-то самостоятельно отменить.

Однажды меня позвали к шефу. Плотно закрыв две двери предбанника его небольшого, но уютного кабинета, я устроился на стуле сбоку от длинного стола, пытаюсь вспомнить свое последнее по времени преступление. Но оказалось, что это приглашение, наоборот, свидетельство особого доверия к молодому, с ленцой, но жутко способному редактору. (Как это у английского философа Юма: «...так трудно говорить о себе, не предаваясь тщеславию...»).

Оказывается, принято решение дать достойный отпор средствами телевизионного кино отщепенцу Сахарову А. Д., продолжающему свои клеветнические выступления в западной печати. Для чего необходимо создать убедительный телевизионный фильм, раскрывающий истинное положение вещей, опровергающий заявления вышеупомянутого ученого, вставшего на путь прямого подрыва социалистических основ нашего строя. (Это я уже от себя; Богомолов, как я говорил, был человеком совсем неглупым; видимо, не считал и меня полным идиотом и дежурными формулировками не пользовался). Короче говоря, нужен хороший сценарий. Разумеется, работа эта крайне ответственная – поэтому основным автором назначен Владимир Борисович Ломейко, главный редактор главной редакции стран Западной Европы АПН. А мне предстоит всячески ему помогать. Для чего вначале следует съездить на Пушкинскую в основное помещение Агентства и представиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.